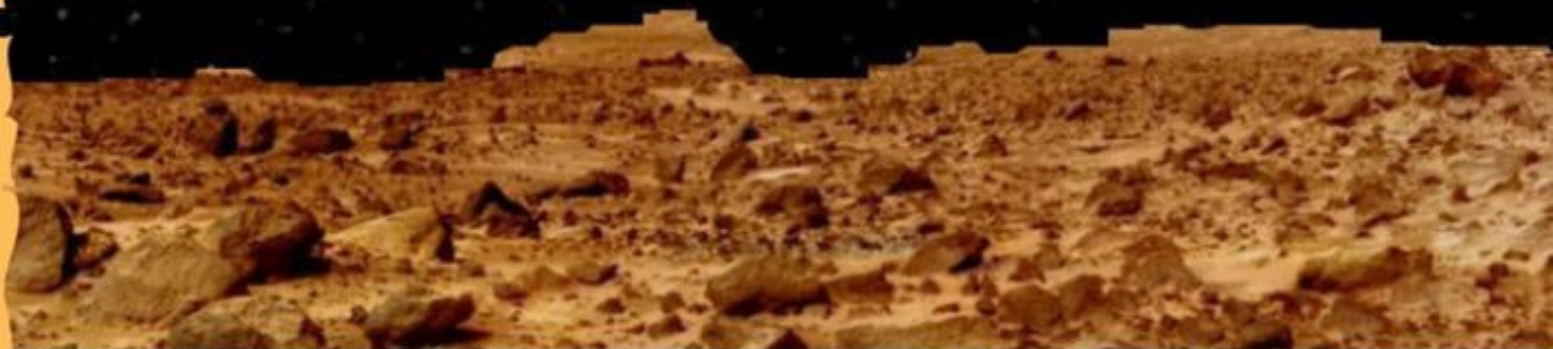

18+

Роза Сергазиева

**Вспомнить,
чтобы... забыть**

Роза Сергазиева

Вспомнить, чтобы... забыть

«Издательские решения»

Сергазиева Р.

Вспомнить, чтобы... забыть / Р. Сергазиева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742411-4

Остросюжетный научно-фантастический роман. В наземном эксперименте, имитирующем полет на Марс, участвуют пять человек. Промчались 520 дней изоляции. Открывается выходной люк. Испытатели готовы обнять встречающих. Но... в ангаре царит полная тишина. Что произошло? Неужели Земля пережила катастрофу, человечество погибло и в живых остались только пятеро испытателей? Или «марсонавты» и встречающие собрались в ангаре в одно время, но... в разных измерениях? Нет, это было бы слишком просто...

ISBN 978-5-44-742411-4

© Сергазиева Р.
© Издательские решения

Содержание

Как появилась эта книжка	6
Часть первая. «Марс-12.480»	7
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вспомнить, чтобы... забыть

Роза Сергазиева

© Роза Сергазиева, 2020

ISBN 978-5-4474-2411-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как появилась эта книжка

Относительно недавно, в ноябре 2011 года, завершила наземная экспедиция «Марс-500». Несколько испытателей из разных стран провели полтора года в замкнутом изолированном пространстве. Испытатели – редкая и трудная профессия, это настоящие герои, первопроходцы, люди, рискующие собственным здоровьем, иногда жизнью во имя развития науки. Металлическая конструкция – макет станции в натуральную величину располагается на территории Института медико-биологических проблем, который проводит подобные эксперименты еще с советских времен. Мне даже как-то посчастливилось походить внутри станции (сняв предварительно обувь, режим чистоты соблюдается здесь неукоснительно). Люблю логические загадки и головоломки, поэтому попробовала представить невероятную ситуацию. «Полет» завершен, испытатели выходят в ангар, но вокруг НИКОГО. И в то же время встречающиеся собираются в час окончания экспедиции, ждут выхода испытателей и – внутри станции никого нет. Отличная интрига. Оставалось только придумать, при каких условиях подобное может произойти. Признаюсь, голову пришлось поломать. Но как только решение созрело, остальное «наросло» быстро. «Остальное» – полная фантазия, реальна только сама станция. Но она... железная, следовательно, не обидится, если что-то не так :-).

Часть первая. «Марс-12.480»

Пролог

Кто я?..

Как меня зовут?..

Простые вопросы для любого человека, но только не для меня. Такое ощущение, что я стою, прислонившись спиной к глухой стене. Мир передо мной – уравновешен и понятен. Я вижу его, ощущаю, слышу. Я различаю цвета – ноги скользят по *коричневому* линолеуму, а подоконник *матовый*; прикладываю ладонь к стеклу и понимаю, что оно *холодное*, а чай в стакане *чуть теплый*; могу отличить звук проезжающей машины, когда мотор упрямо *буктит* на подъеме, от *грохота* тележки, подсакивающей на неровном полу больничного коридора. Но вот мир позади меня, за высокой «стеной» – неизведанная черная бездна. Она – огромна, она – бесконечна, в ней погребена моя так называемая жизнь «до». Словно, я существую только *сейчас*, и меня никогда и нигде не было *раньше*.

Но ведь люди не рождаются сразу с сединой в волосах. У каждого есть прошлое, оно скапливается в некоей потайной «шкатулке», которая называется *воспоминания*. Когда человеку грустно и одиноко, как сейчас мне, он погружается в воспоминания, как бусины-четки перебирает картинки-образы, отыскивая среди тысяч эпизодов наиболее яркие, теплые, светлые. Прошлое помогает ощущать себя в настоящем уверенно. Будто страховка, оно поддерживает человека опытом, знаниями, сравнениями того, что есть, с тем, что осталось позади. И соответственно подсказывает, как поступить в той или иной ситуации.

А что делать мне?

Мои воспоминания исчезли, словно кто-то нажал клавишу на компьютере, дав команду «Стереть!». И позади – лишь провал. Он держит меня у невидимой стены, от которой я не в силах оторваться. Как идти вперед, если понятия не имеешь, что пережил раньше? Если потерял воспоминания? Да и я сам – потерялся.

Вместо картинок прошлого, которого меня лишили, перебираю в уме нелепые, с точки зрения нормальных людей, вопросы. Кем я был по другую сторону стены? Кому был другом? Был ли кому-то дорог? Кого любил? Кого ненавидел? Ищет ли меня кто-то? Вопросы выстраиваются в длинную цепочку. Но ни на один из них у меня нет ответа.

Подолгу смотрюсь в зеркало. В надежде, что на лице отражения мелькнет искра узнавания. Но это чудище напротив ничего не напоминает. Сплошные шрамы, рубцы, вместо одного глаза – пустая впадина, другой – бесцветно усталый, на голове клочки седых волос.

Кстати, седина – признак пожилого возраста или последствия перенесенной трагедии? Не имею понятия. Если дотронуться до щеки, чувствую гладкую корочку новой кожи. А как выглядела старая? Не помню.

Кто этот человек в зеркале? Я? А кто такой я? Не знаю.

Рассматриваю руки. Может быть, родинки, мозоли или формы пальцев подскажут, кому они принадлежат? Кто по профессии их хозяин? Как некие особые приметы. У музыкантов, например, пальцы длинные и легкие, у рабочих – ладони грубые, тяжелые. А мои украшены теми же, как на лице и по всему телу, неприятными шрамами. Я похож на топографическую карту пересеченной местности. У такой тоже нет прошлого. Есть только сиюминутная «внешность».

Суть человека по шрамам не определить.

Вокруг ходят люди. Не имею ни малейшего представления, знал ли их раньше. Неразрешимая загадка: их лица и окружающие меня предметы – привычная для меня обстановка или

экстремальная ситуация? Некоторые подходят и интересуются, *как мое имя*. Но я не в состоянии ответить. Попросил принести «Словарь имен». Толстенная книжица. Потратил несколько дней, тщательно изучил каждую страницу, от буквы «А» до буквы «Я». Надеялся, что увидев одно из имен, моментально прозрею. Ведь имя – то, чего невозможно лишить человека, с ним он рождается, живет и умирает. Многие считают, что имя определяет судьбу человека. Но, увы, сердце ни разу не дрогнуло. Либо моего имени нет в словаре, либо оно осталось в воспоминаниях и поэтому, как и они, не доступно.

Говорят, что вернуть информацию о прошлом способны сны. Ночью, когда мышцы расслаблены, включается подсознание. Но у меня какое-то странное подсознание. Оно не стремится спасти хозяина и вытащить из запасников образы людей, которых я знал, мест, где бывал или жил. Мои сны – беспорядочная смена красок и эмоций. Всполохи и вспышки. Всё абстрактно и неконкретно. Метаюсь в поту – в моих снах чернота сменяет огонь. Я либо пылаю как факел, либо проваливаюсь в бездонную темноту. И каждую ночь чувствую, как по спине ползет страх, медленно он добирается до горла и вгрызается в плоть липкими пальцами. Мне трудно дышать. Я кричу. Просыпаюсь и продолжаю кричать.

В какие забавы играет со мной подсознание?

Я часто замираю у окна. Пространство по ту сторону рамы поглотила зима. Она материальна, свисает с неба хмурым *туманным* занавесом. Видно только покрытую твердым слоем снега поляну и черные деревья на дальней ее границе. Потом – ничего. А вдруг на Земле за этими деревьями и в самом деле космическая пустота?

И мир есть лишь то, что вижу я?

Снег начинает валить хлопьями. Обрамленный оконным периметром зимний пейзаж резко меняется, на заднем плане исчезает полоска деревьев, погребенная за плотной, практически непрозрачной стеной. Она состоит из миллиарда легких белых «бабочек», соревнующихся в скорости падения. В голове, вдогонку безумному танцу, кружится строчка: «*Окно. Больница. Снег. Деревья*». Я повторяю ее раз за разом. Мне кажется знакомым «рубленный» ритм. Он логически рождает другую строчку: «*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*». Это стихи! Я знаю их. Или правильнее сказать: *знал*? Почему четырехсложная строка вдруг всплыла в голове? Почему воспоминание блеснуло так кратко и так бесполезно?

А снег все усиливается. И уже кажется, что мое окно – граница мира. За ним ничего нет. Остались только снег, стекло и я.

Я?

Кто же я?..

Как меня зовут?..

Глава 1

МИРОМ правит хаос.

Снежинки, и несть им числа, летают, презирая закон всемирного тяготения: не вниз, а в разные стороны и даже вверх. Неужели мы стали свидетелями вселенского катаклизма? Вдруг Земля сорвалась с орбиты и повисла как воздушный шарик в космической бездне? Верх и низ перепутались, перемешались и ввели в заблуждение сыплющиеся с неба снежинки.

Белозеров, облокотившись о подоконник, наблюдал, как постепенно исчезал-таял дом напротив. Сначала пропала за снежной пеленой стена, до последнего держались прорисованные прямоугольники окон, но и они сдались под напором стихии.

В плечо ткнулась теплая мордочка: к хозяину на подоконник впрыгнула кошка Фрося. Артем погладил удобно подставленную спинку, и уже вместе с Фросей продолжил наблюдение за Вселенной. Человек и кошка следили за «неправильным» передвижением снежинок, выбирали самые крупные и провожали их взглядом до границы видимого мира.

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышался шум. Но ни Фрося, ни Белозеров от окна не оторвались, они знали: только один человек может так запросто потревожить их компанию – Данила Харебин, аспирант Белозерова. Давно свой, во все тайны посвященный. Поэтому его приход особых почестей не требует. Человек и кошка лишь дружно повернули в молчаливом приветствии головы, как только Данила появился в комнате. И опять вернулись к событию за стеклом.

– Вот это кадр! – восхищенно воскликнул гость и полез в сумку за фотоаппаратом. – Картина в стиле Рене Магритта! Стойте, не шевелитесь, забудьте обо мне.

Харебин поймал в объектив окно, две темные фигуры на светлом фоне и принялся щелкать кнопкой, запечатлевая сценку с нескольких точек с разным удалением.

– Размещу на своей страничке в интернете, – комментировал Данила, пританцовывая вокруг героев съемки, – вполне конкурсный сюжет. Так и назову: «Человек и кошка».

– «Рядом у окошка», – в рифму пропел Белозеров, потрепал за уши пушистую Фросю и, повернувшись к Даниле, вопросительно выдохнул: – Пора?

– Машина у подъезда, – кивнул Харебин, закрывая крышкой объектив. – Как договаривались, я вас подвезу. Не передумали, Артем Николаевич?

– Что имеешь в виду? – Белозеров подошел к дивану, затыкнул на приготовленной сумке молнию.

Кошка следом спрыгнула с подоконника и, быстро перебирая лапками, побежала за хозяином.

– Доверяете мне свою жилплощадь? – Данила спрятал фотоаппарат в футляр. – Так надолго?

– Прекрати переживать попусту, – к ногам Артема жалобно прижалась Фрося, знающая: если из кладовки вытаскивается черная сумка, значит, хозяин уезжает. – Подумай головой, прежде всего в выигрыше я сам. Коммунальные услуги оплачивать не придется, тратиться будешь ты. Специальную охрану нанимать нет необходимости, за квартиру опять же ты отвечаешь. Плюс присмотришь за моей любимицей, – Белозеров нагнулся, подхватил на руки кошку и уперся лбом в мурлыкающую мордочку. – Ты не чужой Фросе, она тебя знает. К тому же, зачем в общежитии маяться? Сможешь нормально, спокойно пыхтеть над диссертацией. Фрося хлопот не доставит, она барышня интеллигентная, тихая.

Кошка, стандартного городского окраса – черно-белая, принадлежала к благородному семейству «охранных» животных. Мяукающее племя завелось в Центре космической медицины, где трудился Артем, в неизвестные времена и строго следило за популяцией вредных грызунов. Причем кошки, по только им известным признакам (не по цвету уж точно), легко

определяли, где мыши лабораторные, и их не трогали, а где подвальные, которых безжалостно уничтожали.

Периодически Мурки обзаводились потомством, и сердобольные сотрудницы пристраивали котят по знакомым и родственникам. Так однажды черно-белый комочек вручили Даниле, как недавно появившемуся в институте, но аспирант, сославшись на строгие условия проживания в общежитии, уговорил приютить кошку на время написания диссертации своего руководителя. Но постепенно совершенно забылось, кто изначально считался хозяином Фроси. Белозеров привязался к кошке, как и она к нему.

– А если заявится Стихийнобедствие – то бишь ваша жена и потребует освободить жилплощадь? – нахмурился Данила и сам внутренне содрогнулся, представив явление Тамары Белозеровой. Он столкнулся с женщиной лишь однажды, но и этого с лихвой хватило.

– Ты забыл добавить *бывшая* жена, – уточнил Артем, – Мы давно в разводе. Прав на эту квартиру она никаких не имеет. Но на всякий случай, если экспедиция завершится... трагически – все может быть, я составил завещание, в твою пользу. Из родственников у меня никого. А так хоть о Ефросинье позабочусь.

И Белозеров, опустив кошку на пол, перекинул сумку через плечо.

Кажется, в Центре космической медицины (ЦКМ) не было сотрудника, который бы не знал о существовании Тамары Белозеровой. Артем – заведующий лабораторией мозга, заядлый сорокалетний холостяк (местные дамы, попусту растратив на него запасы обаяния и убедившись, что мужчина не пробиваем, давно махнули на нейробиолога рукой) несколько лет назад неожиданно привез из командировки жену. После двухнедельного отсутствия Белозеров пришел на работу в сопровождении девицы лет двадцати восьми и объявил озадаченным сослуживцам: мол, знакомьтесь, Тамара, супруга.

Прекрасная половина института пожимала плечами и строила догадки: какими талантами обладала провинциалка, что умудрилась за пол месяца не только охмурить твердолобого женоненавистника, но и довести его до ЗАГСа? Внешность тут ни при чем. Тамара – прямо сказать не красавица, тощая и длинная, нос курносый, волосы забытого после многочисленных перекрашиваний цвета, очки на носу. Нет, здесь дело не чисто, перешептывались кумушки. Наверняка, девица беременна. Причем, не от Белозерова, за неделю ребенка может и получится сделать, только узнать об этом нельзя. Скорее всего, Тамара вцепилась мертвой хваткой в первого попавшегося на пути мужика и заставила поставить в паспорт печать о браке. Ничего, пройдет пара месяцев и ситуация разъяснится. Сотрудницы, сначала позавидовавшие Тамаре (умеют же некоторые!), потом стали жалеть Артема: надули хорошего человека.

Белозеров уговорил Федора Найдёнова – руководителя Центра взять Тамару на работу, в качестве секретарши. Но это в штатном расписании девица значилась секретарем-машинисткой, сама же себя она считала никак не меньше помощника директора. Тамара жестко отбирала тех, кого допускала к телу начальника (особенно тщательно просеивала женщин), отслеживала его переговоры по телефону, выговаривала людям, которые нанесли чуть ли не оскорбление, опоздав на совещание к главному.

Теперь сотрудницам впору было уже не Белозерова жалеть, а себя. Тамара, дама злопамятная, прозванная острословами *Стихийнобедствием*, внесла в черный список несколько фамилий тех, кто скептически воспринял ее появление, и убедила шефа вычеркнуть несчастных из претендентов на премию.

Белозеров пытался вразумить супругу, но она лишь презрительно фыркала и через полгода (никакой беременности, как выяснилось, не существовало) объявила, что требует развода, потому что собирается выходить замуж *дальше*. Так и сказала: «Дальше». Следующий кандидат – Найдёнов. «Но он женат!», – поразился наглости девицы Артем. «Мужчины любят создавать вокруг себя мифы. Ты тоже, помнится, слыл хроническим холостяком», – цинично заявила Тамара и протянула Белозерову перечень объектов, которые требовала оформить на ее

имя. В том числе машину, дачу и московскую квартиру. В ответ Артем тут же составил завещание в пользу своего аспиранта.

Потом, натываясь на вещи, которые, уходя к директору, оставила Тамара (ей удалось Федора развести с супругой, выйти за него замуж и так же расстаться через год: впереди замаячила более значимая цель – сотрудник профильного министерства, курирующий работу Центра), злобно кидал в мусорное ведро и ругал себя на чем свет стоит за то, что потерял рассудок, познакомившись с Тамарой. Стыдно человеку, который профессионально разбирается в строении и работе мозга, утратить контроль над ситуацией и объяснять безумный поступок обывательской отговоркой: «Затмение какое-то нашло». Не солидно.

Тамара, отныне жена третьего (скорее всего, не последнего) несчастливца, продолжала звонить Артему, напоминать про список собственности и требовать денег. Она называла их *алименты*. Ведь именно Белозеров привез даму из провинции, *заставил* жить в Москве, а здесь другие требования к внешнему виду, другой образ жизни. Видимо, подобную «песню» она пела каждому из мужей. Но Артем, услышав голос на автоответчике (трубку, как только определялся ненавистный номер, принципиально не поднимал), не перезванивал. А теперь, отправляясь в долгую экспедицию, надеялся забыть о совершенной когда-то глупости под названием «женитьба».

Нейробиолог поставил объемную сумку на заднее сидение автомобиля, сам устроился рядом с водителем. Данила вставил ключ зажигания, но поворачивать медлил.

– И все же не пойму, – пожал плечами аспирант, – зачем вам исчезать на целых полтора года?!

– Молодой еще, – посетовал ученый, – ничего в жизни не понимаешь. Считаю, я на курорт отправляюсь. Вот посмотри на улицу, – и Артем для наглядности даже опустил в машине стекло, – что видишь? Хлябь, сырость, серость, муть. В такую погоду ничего путного в голову не лезет. Но зато вернусь летом, в самое начало, 20-го июня. Красота! – Белозеров поехал от холода и поскорее закрыл окно. – Ну а если серьезно, я получил шанс спокойно, без нерво-трепки поработать. Сам знаешь, Тамара меня этой возможности лишила. Да и компания намечается отличная. Мы с Мишей Прокловым, программистом, давно знакомы. Будем в свободное время играть в Го. Не удивительно ли? Нас – любителей древнекитайского развлечения только двое на весь Центр и мы оба попали в экипаж.

– Но ведь это не настоящая экспедиция, – продолжал недоумевать Данила. – Только для громкости называется «Марс-12.480». Вы даже не космонавты, а так, подопытные кролики, будете в изоляции сидеть, имитируя полет, словно шпроты в запаянной консервной банке.

– Да, мы называемся испытателями, – нехотя согласился Артем. – Но неужели тебе нужно объяснять прописные истины? Прежде чем человечество отправит людей к настоящему Марсу, кто-то на своей шкуре должен узнать, с чем придется столкнуться участникам длительного перелета.

Если честно, Артем Белозеров с детства мечтал стать космонавтом. Понимая, что есть только два вероятных пути попасть в отряд: из военных летчиков или из медиков, он поступил в медицинский институт. Проходил стажировку и затем устроился в лабораторию Центра космической медицины. И даже сумел прорваться в число кандидатов на место в отряде космонавтов. Но... срезался на медкомиссии. По сути, ерунда: желудок переваривал пищу дольше норматива. Только спорить бесполезно: мелочь на Земле может перерасти в трагедию на орбите.

Услышав неутешительный вердикт, Артем из Центра не ушел. В качестве медика сопровождал космонавтов к месту старта на Байконур. В специально построенной гостинице, где надрывно гудели кондиционеры (в казахстанской степи не бывает комфортной погоды: если лето – то пекло, если зима – страшный мороз, а если весна – то метет песок, набиваясь в глаза, нос и уши, беспощадный ветер-афганец) Белозеров мерил членам экипажа и их дублерам дав-

ление, ставил градусники, заполнял предполетные листы о состоянии здоровья и по-хорошему завидовал парням. Увы, ему уже не посчастливится увидеть голубую планету со стороны.

Особенно нравилось Артему наблюдать за стартом ракет, которые отправлялись на орбиту поздно ночью. Небо над степью – неправдоподобно темное и безгранично звездное. И только вдалеке у линии горизонта горит под прожекторами поддерживаемая фермами, словно на весу, ракета. В полной тишине вспыхивает под ней огненный шар, через несколько мгновений до наблюдателей добирается громоподобный звук. Он оглушает, пригибает своей мощью к земле и не отпускает, пока ракета не расстанется с первой ступенью. Ты следишь за поднимающимся ввысь кораблем, и по щекам текут слезы сопричастности к чему-то не постижимому.

Космонавт – уникальная профессия, объединяющая вокруг себя десятки тысяч людей. Именно столько должны потрудиться, чтобы вывести корабль за пределы Земли. Белозеров, признанный негодным для полетов, занял место одного из десятков тысяч тех, кто работает на космос. Он сосредоточился на науке.

Артем заинтересовался деятельностью мозга в непривычных для людей условиях невесомости. Где масса тела равна нулю, человек путается в понятиях верх и низ. Где артериальное давление скачет и чаще снижено. Где сердце поначалу колотится как белка в колесе, но постепенно, приспособившись к маленькой нагрузке, наоборот, еле трепещет. В унисон ему дыхание: сначала космонавт дышит часто, словно бегун на дистанции, а затем сонно-редко вздыхает.

В естественной обстановке земного притяжения существует разница давления в верхней и нижней половинах туловища. Если «отталкиваться» от центра, от уровня сердца, то в ступнях давление на 100 мм рт. ст. выше, а в сосудах мозга на 30—40 ниже. В невесомости же кровь распределяется равномерно по всему организму, следовательно, кровенаполнение верхней части туловища, где расположена и голова, будет больше, чем на Земле.

Постепенно Белозеров определил конкретный объект интересов: лобные доли и гиппокамп – те участки мозга, которые отвечают за память. Первые – фиксируют сиюминутную информацию, так действует *кратковременная память*. Второй – хранит и сортирует наши воспоминания, формируя *долговременную память*. Иногда (в результате травмы головы, сильного эмоционального шока или психического заболевания) человек частично или полностью теряет память.

Выход за пределы Земли – вершина на шкале стрессов. Однако космонавты, даже испытав негативное влияние невесомости, не подвержены амнезии. Вероятно потому, что относятся к категории абсолютно здоровых людей (именно таких тщательно отбирают для работы на орбите). Тогда томограммы головного мозга космонавтов разумно принять за норму. И если сравнить их с «картинками» мозга пациентов, страдающих потерей памяти, не удастся ли обнаружить «застопорившиеся» участки в том же гиппокампе?

Средство лечения понятно – узконаправленный, электромагнитный импульс определенной частоты, который «разбудит» нужные пучки нейронов. Но методики поиска этих «наноточек» пока не существует. Над чем и трудился последние годы Белозеров.

– Кстати, вы в экипаже по возрасту старший, – поделился очередным сомнением Харебин. – Как удалось обойти медицинскую комиссию?

– Ну, во-первых, желающих вычеркнуть из жизни полтора года нашлось немного, – скосил глаза на автомобильные часы Белозеров: он, конечно, не опаздывает, но и приезжать последним не хочется. – Всего-то пара десятков. Над кандидатами медики хорошо покуражились, отбирая четверку подходящих. Меня не тронули, потому что иду по специальному списку, директорскому. Найдёнов – мой бывший однокурсник, – для полноты картины Белозеров мог бы добавить «и муж моей жены». Правда, по счастью скоро ставший, как и Артем, бывшим. Но вспоминать Тамару? Опять? Бр-рр. – Кто ему посмеет возражать? Федор кровно

заинтересован в завершении моей работы. Методику поиска «выключенных» точек в гиппокампе я назову «Таблицей Белозерова».

– Идеи носятся в воздухе. Пока будете «летать», – в сердцах воскликнул Данила, – кто-нибудь другой, следивший за логикой ваших экспериментов, создаст подобную Таблицу и запатентует раньше.

– Не создаст, – спокойно отреагировал на горячность молодого коллеги Артем. – Идея поиска «пораженных» точек в гиппокампе, конечно, может кого-то вдохновить. Но программа расчета координат с помощью специальной Таблицы будет только у меня. И она надежно спрятана.

Данила удивленно распахнул глаза, в них буквально по буквам читался короткий вопрос: «Где?».

– Здесь, – ученый постучал пальцем по лбу. – И первым, кто встретит меня через полтора года, станет Найдёнов. Он уверен, что открытие принесет Центру немалые деньги. И славу.

– Да, Федор Игнатьевич даже меня достал своими жалобами на недофинансирование, – поддержал научного руководителя аспирант и повернул, наконец, ключ зажигания. – Приказал запечатлеть экспедицию во всей красе. Мол, профессионального фотографа дорого нанимать, а ты в любом случае умеешь управляться с камерой. Видел, как я новогодний корпоратив снимал.

Машина, плюхая по зимним, тающим прямо на глазах лужам выехала на шоссе.

Глава 2

ОДНО удовольствие ездить по Москве в выходной. Проспекты свободны далеко вперед, останавливаешься лишь на светофоре, от Садового Кольца до МКАД дорога занимает приблизительно минут двадцать. Машина быстро выскочила за границы города, промчалась по такому же пустынному шоссе километров десять и свернула в просвет между деревьями на узкую, в одну полосу, асфальтированную дорогу. ЦКМ – объект полусекретный-полувоенный, гостей приглашают редко, и только по специальному, заранее составленному и завизированному списку.

Трасса, пропетляв по лесу, уперлась в ворота, с двух сторон которых темными, плотными рядами стояли, не шелохнувшись, высоченные ели. Харебин открыл окно, предъявил дежурному охраннику удостоверение. Железные створки, чуть поскрипывая, разъехались в стороны, и Данила порулил к главному зданию.

Центр растянулся несколькими строениями вдоль бетонного забора. Отдельно возвышался административный корпус, несколько этажей в нем занимали лаборатории экстремальной медицины, напичканные современным оборудованием, всевозможными тренажерами, симуляторами, действующими моделями. Слева находился бассейн, на дне которого лежал макет орбитальной станции. Будущих космонавтов, облаченных в тяжелые скафандры, опускают на лебедке в воду, где они в условиях, отдаленно напоминающих невесомость, отрабатывают технику предстоящих выходов в открытый космос. Чтобы громоздкие «трансформеры» не перевернулись вниз головой, их страхуют аквалангисты.

Вдалеке за деревьями угадывалась металлическая крыша гаража. В нем хранится мобильная техника, с помощью которой группы, встречающие совершивших посадку космонавтов, быстро добираются до места по степному бездорожью и в считанные минуты разворачивают полевой медицинский модуль.

Справа к административному зданию через стеклянную галерею на высоте третьего этажа примыкал биологический корпус. Самый шумный и тесный. Клетки с обезьянами смеялись ванны с водорослями, стеклянные сосуды с мухами дрозософилами или разноцветными бабочками перемешались с домиками для мышей и дуплянками для перепелок. Вся эта живность трещала, кричала, квакала и свистела с утра до ночи, кроме, пожалуй, интеллигентных рыб в аквариумах.

Данила проехал под галереей, огибая главный корпус. На забетонированной площадке сиял покрытый свежей краской огромный ангар, внутри него разместили жилые цилиндрические модули межпланетной станции в натуральную величину, и именно в той конфигурации, как они состыкуются для полета на Марс (если когда-нибудь дойдет дело до дальних космических путешествий). К модулям примыкал специальный крытый павильон, имитирующий поверхность Красной планеты, на которую приблизительно через семь месяцев запланирован выход «марсоходов».

На площадке перед ангаром, хотя до официального старта оставалось не менее двух часов, теснились автомобили. Приехали родственники испытателей, коллеги, те, кто обеспечивает подготовку экипажа к «полету» и те, кому предстоит контролировать их работу в течение предстоящих 12,5 тысяч часов. Данила проводил Белозерова до специальной двери, в которую посторонних не пропускали, пожал на прощанье руку и присоединился к толпе гостей, которые дожидались последнего, торжественного построения участников экспедиции.

Артем передал сумку с вещами встречавшему его оператору в белом халате и с марлевой повязкой на лице. Ближайшие часы их будут окружать люди только в стерильных костюмах. Всё и вся подвергается тотальной антимикробной обработке. Например, сейчас по графику из помещений станции убираются бактерицидные лампы, которые светили ночь напролет. Лич-

ные вещи участников экспедиции (а в сумке Белозерова находится, в том числе, ноутбук) поместят: что-то в холодильные камеры, что-то в термостаты, дабы на борт не проникла ни одна из известных на Земле инфекций. Испытатели проведут в изоляции долгих 520 дней, им не нужны неприятности в виде болезней.

Артем направился к раздевалке, оказалось, что он пока единственный добрался сюда из экипажа, видимо, остальные, в отличие от теперь неженатого нейробиолога, еще продолжают прощаться с родными. Артем открыл шкафчик (на дверце указана его фамилия), сложил одежду в полиэтиленовый мешок и отправился в душ. Провел под горячими струями не менее пятнадцати минут – хорошенько, до красноты «прожарил» поверхность тела. Выскок обратно в раздевалку и стал надевать синий комбинезон с нашивками.

В коридоре зазвучали голоса, смех, в раздевалку одновременно ввалились три мужика: командир испытателей Александр Левчик (Белозеров знаком с ним шапочно, встречались изредка на Байконуре, Александр – военный инженер, специализировался на системах жизнеобеспечения), врач экипажа – хирург Марат Калинин (с ним Артем впервые познакомился лишь во время подготовки к «полету», хотя Марат проработал в Центре лет пять) и бортиженер – психолог Кирилл Рыбарь. С последним пересекались иногда в коридоре, их лаборатории находятся на одном этаже. Поприветствовав бортиженера Белозерова, компания, сложив домашнюю одежду в пакеты, отправилась дезинфицироваться под душем. Артем заглянул через стеклянные двери в коридор и недоуменно пожал плечами: Проклов отличается паталогической пунктуальностью и вдруг опаздывает!?

Словно в ответ на его немое восклицание дверь распахнулась, на пороге появился легко узнаваемый, хоть и в стерильном одеянии (бахилы, одноразовый халат, маска), Федор Найдёнов. Из-за его широкой спины в раздевалку протиснулся невысокого роста парень.

– Раздевайся, – рявкнул, обращаясь к новичку, директор, – и марш в душ!

– Что происходит? – в полотенце, обмотанном вокруг бедер, в комнату вошел Левчик и подозрительно уставился на парня. – Кто это? Что здесь делает посторонний?

– И где Проклов? – заволновался Артем.

– Иди, – Найдёнов подтолкнул парня к душевой и принялся растолковывать остальным: – Произошло ЧП. Среди ночи со мной связался Михаил. Проклову позвонили из поселка, где живет его отец, и сообщили, что старика с инфарктом отвезли в больницу. Михаил бросился в машину, помчался к отцу. Туда в один конец километров 400. Так что Проклов выбыл из экипажа. Принято решение заменить одного программиста другим.

– Я о новичке ничего не знаю, – возмутился Александр. – Парень не участвовал в процедуре отбора.

– Мы тут крутимся с рассвета, – в свою очередь насупился директор, – я нагнал медиков, Максим успешно прошел тесты, абсолютно здоров. Но главное – профессионал, трудится в отделе вместе с Михаилом, тот его сам порекомендовал. А что касается совместимости, в составе экипажа по штатному расписанию числится психолог. Вот пусть и вводит человека в команду.

– Но ваш кандидат понятия не имеет, чем ему предстоит заниматься, – продолжал упорствовать командир.

– Почему же? – даже сквозь маску чувствовалось, как покраснелись от злости щеки директора. – Парень успел прочитать массу подготовительных материалов. Остальное освоит в процессе работы.

– Повторяю еще раз: я этого человека не знаю, – повысил голос Левчик. – За жизнь и действия экипажа отвечает командир, я понятия не имею, как поведет себя ваш протеже в условиях длительной изоляции. Мне не нужны сюрпризы на борту.

– Ну, пойми же, упрямец! – Найдёнов мгновенно сменил начальственный тон на дружелюбно просительный. – Экспедицию невозможно отменить. Инвесторы вложили деньги, ждут

результатов разрекламированных экспериментов. Там, – махнул в сторону коридора директор, – толпятся журналисты. Что я им объявлю? «Извините, промашка вышла»? Они Центр потом так представят в печати, что никакого финансирования больше не дождемся, а мы и так на мели. Придется свернуть исследования. Ты готов взять на себя вину за увольнение коллег?

В раздевалке постепенно собрались остальные участники экспедиции. Последним из душа выскочил, напевая ритмичную мелодию, Максим. Левчик строго зыркнул на парня, тот закашлялся и молча направился к шкафчику. Достал с полки синий комбинезон, с восторгом провел рукой по гладкой плотной поверхности. «Надо же, – заметил Артем ярлычок с фамилией новичка, – даже нашивки успели сменить. Быстро!».

– Прошу любить и жаловать, – увидев, что теперь экипаж в полном составе, громко объявил директор. – Новый член команды – Максим Утехин, бортинженер-программист. Вместо выбывшего Проклова.

Марат, Артем и Кирилл дружно повернули головы и посмотрели вопросительно на Левчика, но тот, отвернувшись, лишь резко и туго затягивал шнурки на кроссовках. Им ничего не оставалось, как приветственно пожать руку коллеге и назвать свои имена.

«Эх, плакали мои надежды на Го, – пожалел про себя Белозеров. – Молодежь такими играми не увлекается».

Пятерка испытателей, сопровождаемая неузнанным человеком в стерильном костюме, пересекла коридор и разместились в кабинете для прохождения «предполетного» медосмотра. Стандартная процедура: давление, частота пульса, температура. У каждого, как и предполагалось для физически здоровых людей, никаких отклонений от нормы. Даже излишне эмоциональная сцена в раздевалке не повлияла на результаты тестов.

Следующий пункт программы – пресс-конференция. Компания мужчин в хрустящих, новеньких комбинезонах, украшенных нашивками с именами, логотипом ЦКМ, эмблемой экспедиции (над стилизованным изображением станции надпись: «Марс-12.480»), а также на спине и рукавах ярлыками спонсоров, предстала перед глазами журналистов. Встреча проходила в небольшом зале, часть которого перегородивало стекло. За ним, чтобы исключить любые контакты с внешним миром, расположились в креслах члены экипажа. Заметались вспышки фотоаппаратов. Заметив в толпе Данилу, Белозеров слегка ему кивнул.

Пресс-конференция проходила в необычном режиме. Некоторые ее участники, в том числе и директор ЦКМ (теперь уже без бахил и одноразового халата, в строгом синем костюме и галстуке) находились по эту сторону стекла, рядом с гостями.

– Хотя мы раздали вам информационные буклеты о предстоящей экспедиции, – обратился к журналистам Найдёнов, – позвольте сказать несколько слов о предстоящем событии. Наши испытатели, – и директор широко улыбнувшись, повернулся лицом к участникам экспедиции, – проведут в наземном модуле 12 тысяч 480 часов или 520 дней. Именно столько займет полет космического корабля с людьми на борту, если земляне вознамерятся походить месяц по поверхности Марса и потом вернуться домой. Во время наземного эксперимента мы получим ценные сведения о том, как влияет на здоровье и работоспособность человека то, что он вынужден проводить круглые сутки в изоляции, в замкнутом, ограниченном объеме. Мы создали испытателям максимально возможные сложности космического перелета. Расход ресурсов – вода, пища, воздух, энергия – жестко лимитирован. Связь с Землей – в режиме, приближенном к реальному полету. То есть строго по графику и постепенно с задержкой сигнала, соответствующей удаленности корабля от Земли. А теперь передаю слово командиру экипажа – Александру Левчику.

Пресс-конференция катилась по согласованному плану, как будто ничего экстраординарного не произошло. Да, вместо заявленного бортинженера Михаила Проклова («по личным обстоятельствам он не сможет принять участие в экспедиции») командир представил репортерам Максима Утехина – молодого («и прямо скажем излишне смазливый»), – прокомменти-

вал про себя Белозеров, заметив оживление среди корреспондентов женского пола) программиста. Никто из присутствующих не стал допытываться до причины замены, каждый понимал, что полет ненастоящий, земной, и большой разницы в том, кто именно проведет полтора года в «консервной банке», нет. Интересовались в основном бытом: что представляет собой бортовое питание, как предполагают члены экипажа проводить свободное время, что каждый прихватил с собой на память о доме.

Час, отведенный на общение с журналистами, пролетел незаметно, экипаж покинул зал и направился к месту старта. Входной люк на станцию находился в центре конструкции, к ней от административной пристройки вела красная ковровая дорожка, постеленная прямо на бетон.

– Похоже на церемонию вручения «Оскара», – догнал Белозерова новый член команды. Они передвигались цепочкой, строго по ранжиру: командир экипажа, врач экипажа, бортиженер-психолог, бортиженер-нейробиолог, бортиженер-программист.

– Есть отличие, – процедил сквозь зубы, не оборачиваясь, Артем. – У нас здесь гораздо холоднее.

Ангар не отапливался. Комбинезоны, хоть и плотные, но тонкие, на минусовую температуру не рассчитаны, под ними – лишь майка и трусы. Видимо, испытания, по задумке организаторов, могут начинаться задолго до попадания внутрь станции. Но скорее Найдёнов опять сэкономил. Только об этом никто не узнает. Журналисты и родственники испытателей собрались на застекленной, а значит, утепленной, галерее второго этажа – там размещался Центр наблюдения за «полетом» и контроля систем жизнеобеспечения станции – и усиленно махали и подбадривали громкими криками направляющихся к модулю мужчин.

Дошагав до люка, над которым на циферблате замерли цифры **12480.00.00**, испытатели заняли заранее обговоренную позицию: Левчик и Калинин приподнялись на ступеньку, а Рыбарь, Белозеров и Утехин выстроились полукругом. Фотографы спешили запечатлеть кадр для постера: последние мгновения «на Земле», мужественные лица на фоне станции.

Члены экипажа еще немного поулыбались в камеры, затем командир потянул на себя ручку люка. В проеме они скрылись в том же порядке, один за другим. Как только дверца захлопнулась, и шелкнули, закрываясь, замки, тут же автоматически включился электронный хронометр. В двух крайних прямоугольниках замелькали секунды, вдогонку за ними заторопились минуты.

Совсем скоро указанная над люком длительность «полета» потеряет свой первый час. И их впереди уже останется только... 12479.

Глава 3

ПОВЕРНУЛОСЬ колесо, входной люк герметично закрылся за спинами испытателей. Под потолком в предбаннике ожили электронные часы, синхронизированные с наружными. Цифры в безмолвном ритме принялись сменять друг друга.

Органы чувств моментально зафиксировали первое несоответствие: качество света. Только что в ангаре утреннее солнце, проникавшее сквозь стекла под крышей, хоть и низкое зимнее, тем не менее, слепило глаза. А внутри станции включилось искусственное освещение, и плечи опустились под тяжестью ограниченности пространства. В самой темной комнате, самой темной ночью все равно ощущаешь присутствие живого света. Видно звезды в окно или ночные облака, на лакированных поверхностях отражаются лунные дорожки. Здесь же ни полутонов, ни бликов – ровный, мягкий, определенной яркости постоянный свет.

Мужчины столпились в предбаннике, ожидая инструкций командира. С этой минуты их жизнь подчинена строгому распорядку.

– Устраивайтесь в каютах, – приступил к исполнению обязанностей Левчик, – переоденьтесь. Через полчаса встречаемся на кухне. Расскажу, как будет организована работа.

В предбаннике, помимо главного, находились еще три переходных люка. Один вел в кладовую, другой – в нечто похожее на командный пункт и далее в оранжерею, ну а центральный – в жилой модуль. По ходу движения нужно пересечь кают-компанию, затем через крохотный коридорчик мимо кухни попадешь в спальный блок. В нем расположены каюты членов экипажа. Три «по правому борту», две плюс крошечные прачечная и туалет – по левому. Затем опять переходная развилка: в медицинский блок и спортзал.

Белозеров, найдя над притолокой табличку со своей фамилией, открыл дверь в каюту. Размер помещения, конечно, не рассчитан на тех, кто играет в баскетбольной сборной. Комнатка в ширину занимала метр восемьдесят, в длину два с половиной. Причем два пятьдесят – это если мерить по полу. Стена, покрытая вагонкой (вся станция изнутри по кругу обшита деревом), напротив двери скошена, соберешься подойти вплотную, придется нагнуться. Кровать упиралась в дверцы шкафа, который повторял линию потолка. Открывались створки, если убрать подушки. Заглянув внутрь шкафа, можно засунуть на его дно, например, сумку.

Хотя «кровать» – громко сказано. На деревянный подиум (он прикрывал трубы систем жизнеобеспечения, через небольшой люк над полом поступает в каюту воздух) положили жесткий, высокий матрас, пару подушек, плед и легкое одеяло. Здесь дождалась Артема продезинфицированная сумка с вещами.

Для завершения интерьера осталось упомянуть крошечный стол и огнетушитель, втиснутые в пространство от свободного угла до шкафа, телефон на стене, пару ламп над столом и над кроватью и стул с металлической спинкой. Вот и весь мебельный гарнитур.

Белозеров шагнул к кровати, расстегнув молнию на сумке, достал компьютер. Стол по размеру как раз подходил под ноутбук. Поискав розетку, Артем воткнул блок питания и включил компьютер. Экран тут же ожил, потребовав набрать пароль. Нейробиолог ввел нужные данные и на «Рабочем столе» замигали многочисленные иконки файлов. Теперь-то появится время навести порядок и разложить документы по нужным папкам.

В ноутбук Артем загрузил около сотни томограмм и энцефалограмм пациентов, страдающих амнезией. Плюс несколько десятков послойных снимков мозга космонавтов (то есть абсолютно здоровых людей), проходивших предполетную подготовку в ЦКМ. Белозеров надеялся пополнить коллекцию нормативных, базовых показателей за счет членов своего экипажа. Словом, материала для сравнения предостаточно. Осталось только информацию обобщить.

– Неужели пожадничали сделать спальни удобными? – раздался недовольный голос. – В тюрьме, небось, и то камеры больше.

К дверному проему, не входя внутрь, вдвоем не развернуться, прислонился Макс.

– Во время межпланетной экспедиции учитывается каждый грамм веса, поднимаемого с Земли, – не хватало провести полтора года в компании «ребенка», объясняя ему школьную программу: устроил им Проклов веселую жизнь. – Наши условия максимально приближены к полётным. Пространство резко ограничено, но тот объем, который имеем, вполне достаточен для проведения эксперимента. Кстати, ты случайно не играешь в Го?

– Что это такое? – удивленно уставился парень. – На каком языке?

– Понятно, проехали, – вздохнул Артем: при жестком ограничении багажа он, как выяснилось, напрасно занял место доской и коробкой с камешками, мог бы взять что-то другое, полезное. И только сейчас ученый обратил внимание: новичок до сих пор в комбинезоне. – Почему не переодеваешься?

– Разве я не в форме? – благоговейно расправил нашивку с собственным именем Максим.

– Комбинезон – для торжественных мероприятий, – Белозеров вынул белую футболку и шорты, – чтобы мы на фотографиях и на телекартинке хорошо смотрелись и чтобы спонсоры радовались при виде любимых логотипов. В остальное время одежда простая, удобная и функциональная.

Артем расшнуровал кроссовки, убрал под стол и сунул ноги в кожаные шлепанцы. Максим при виде преобразившегося ученого состроил кислую мину и отправился обратно в свою каюту.

Левчик, облаченный в рабочую одежду – шорты и футболку, включил сразу два электрочайника: коллеги – известные водохлебы; разложил на столе чашки, достал из шкафчика коробки с заваркой на разный вкус, открыл бортовой журнал и развернул циклограмму – он успел наведаться в командный пункт и распечатал план сегодняшних действий. Пока лично для него, с завтрашнего дня подобные задания «Земля» начнет присылать отдельно для каждого испытателя.

Из коридорчика показался Марат, врач потянулся к сахарнице и кинул в кружку два рафинадных кубика. Белозеров и Кирилл пришли одновременно и схватили по чайнику. Последним появился хмурый Макс. Он с размаху плюхнулся на свободный стул. Почему у парня испортилось настроение? Станция не оправдала его ожиданий? Или Утехин, наконец, осознал, во что вляпался?

– Угощайтесь, пользуйтесь, что на стол накрывал сам командир, – пошутил Левчик.

– А что: дальше, как в армии, распишите график дежурств? – поморщился Максим.

– Конечно, – подтвердил Александр, – только к кухне он не имеет отношения. Продукты из кладовой каждый приносит и разогревает сам. Что кому нравится. И посуду убирает за собой. Но вот в туалете, а также в помещениях и коридорах полы протирает, загружает стиральную машину дежурный. Понятно? – и Левчик строго посмотрел на новичка.

– Есть, кэп! – приложив два пальца к виску, по-военному отсалютовал Макс.

– Инструктаж пройдет не так, как планировалось первоначально, – объявил командир, заглянув в бортовой журнал, – придется для тех, кто знакомился с программой эксперимента наспех, – он вновь выразительно посмотрел на Максима, – провести ликбез. Начну с того, что представлю членов экипажа и объясню, чем мы намерены заниматься. Итак, я – Александр Левчик, специалист по системам жизнеобеспечения.

– В смысле если унитаз забьется? – фыркнул Максим и захохотал, откинувшись на спинку стула. – Приличное название для сантехника?

– В комплекс жизнеобеспечения станции, – все тем же спокойным голосом, не реагируя на вызывающее поведение новичка, продолжал командир, – входят система кондиционирования – ты ведь не хочешь, чтобы здесь стало жарко как в пустыне? – обратился он к Утехину, парень тут же замотал головой. – И правильно, что не хочешь. Не забудь также про систему

очистки атмосферы. Мы свободно дышим, благодаря фильтрам, удаляющим продукты дыхания. Углекислый газ собирается в кассеты, которые каждые 36 часов нужно менять.

– Чистых на полтора года хватит? – обеспокоенно заерзал на стуле Максим.

– На складе хранится количество, рассчитанное на весь срок изоляции, – успокоил парня Марат.

– Чтобы мы чувствовали себя комфортно, – вернулся к описанию собственной сферы деятельности командир, – должны безотказно работать системы водоснабжения и канализация. Правда, есть поблажка – так как находимся на Земле, станцию подключили к городскому водопроводу и канализации. Но внутри установлены датчики расхода воды, и нам не дадут превысить лимит.

– А вдруг превысим? – перебил любопытный Макс.

– Тогда закроем прачечную и не сможем носить чистую одежду, – сурово изрек Александр и продолжил: – Оборудование должно функционировать как часы, если что прорвет, никто не поможет. Еще среди подконтрольных участков я бы назвал систему газоснабжения и поддержания давления. Воздух, которым дышим, имеет выверенный состав и поступает под определенным давлением. Снаружи установлены баллоны со сжатым кислородом и азотом. Моя обязанность следить за приборами и за расходом газа, принимать меры, если случится сбой. Следующими по степени важности я бы назвал системы связи: внешней – для контактов с Центром наблюдения и контроля и внутренней – во всех помещениях установлены телефоны и громкоговорители, с командного пункта я могу вызвать любого из вас. Плюс электроснабжение и освещение.

– Если лампочки перегорят, – не смог не прокомментировать Максим, – начнем передвигаться на ощупь? Прикольнo!

– Особенно прикольнo, – отозвался в тон Белозеров, – если холодильники выключатся и продукты испортятся. Есть станет нечего.

– Ну-у-у, – протянул Утехин, – в таком случае мы воспользуемся красной кнопкой у входного люка и выскочим наружу.

– Забудь про красную кнопку, – прорычал Левчик, лицо его покрылось бурыми пятнами. – Выбросить псу под хвост проделанную с таким трудом работу, запороть экспедицию? Только через мой труп.

Над столом повисла тишина. «Старые» члены команды никогда не видели командира в таком непривычно грозном состоянии. Но они тоже не намеревались бесславно прерывать эксперимент.

– Вот поэтому я ежедневно намерен проверять работу всех вышеперечисленных систем жизнеобеспечения, – громко отчеканил Александр. – Так же, как и любой другой член экипажа. Ты, например, – показал он пальцем в сторону Утехина, – отвечаешь за работу компьютеров и внутренней информационной сети.

– Интернет у нас есть? – поинтересовался, как ни в чем не бывало, Максим.

– Мы как бы летим на Марс, – решив дать возможность попить остывший чай командиру, повернулся к парню Кирилл. – Космонавты, находящиеся на околоземной орбите, могут даже письма по электронной почте отправлять на Землю. Но до корабля, направляющегося к Красной планете, интернет не дотянется.

– Как же тогда планируется общение с Землей? – поджал губы Утехин.

– Сеансы связи строго по расписанию, – на лицо Левчика постепенно вернулся прежний цвет. – Каждый член экипажа ведет электронный дневник, куда заносит промежуточные результаты экспериментов. Записи поступают к тебе, ты раз в неделю сбрасываешь на Землю информацию в сжатом виде. Но продолжаем знакомство. Марат – врач. Он отвечает за здоровье экипажа.

– Готовься к ежедневным измерительным процедурам: температура тела, давление, пульс, – улыбнулся Марат. – Если понадобится, могу и аппендицит удалить. Я хирург.

– Спасибо, док! – парень прижал руку к сердцу и склонил в почтении голову.

– Я – психолог, – опередил командира Кирилл. – Полутораговая наземная изоляция по сути своей больше психологический эксперимент. Займусь наблюдением за вами. Интересно понять, как меняется характер человека, когда он находится длительное время внутри маленького замкнутого пространства, в окружении одних и тех же людей.

– Понял вас, «мистер Кто?», – придумал очередную кличку Макс, повернулся к Белозерову и громко объявил: – И, наконец, на сцену выходит...

– Сколько тебе лет, клоун? – побарабанил пальцами по столу Артем. – Школу успел закончить?

– Во-первых, клоун – незаменимый человек на борту, – парировал Макс. – В условиях, как только что нам обрисовал ситуацию «мистер Кто?», замкнутого, и я бы добавил, неприглядного пространства. А во-вторых, ваш покорный слуга успел институт закончить и пару лет в лаборатории Проклова попотеть.

– Да, пару лет – серьезное достижение, – картинно насупил брови Белозеров. – Только вот Го за такой срок не освоить.

– Артем – специалист по мозгу, у него особая программа исследований, – представил ученого Левчик и продолжил инструктаж. – Каждый из присутствующих проводит свои эксперименты, плюс помогает другим. Хочу особо предупредить: «Земля» приготовила для нас несколько нештатных ситуаций. Каких, естественно, не сообщили. Мол, сюрприз. Так что будьте готовы, в любой момент может отказать какая-нибудь система. И от того, как слаженно и профессионально среагируем, зависит успех экспедиции. Никого выдворить со станции, – командир ответил на произнесенный вслух Артемом вопрос, – мы не в силах. Поэтому будем учиться сосуществовать вместе.

– Ничего, Саша, притремся, – уверенно пообещал Кирилл или в новой интерпретации «мистер Кто?».

– Тогда приглашаю на экскурсию, – Левчик отодвинул стул в сторону, – запоминайте, где что находится, чтобы в темноте не заблудиться, – хмыкнул он и язвительно бросил через плечо: – если лампочки перегорят.

Глава 4

ИЗ КУХНИ пятерка испытателей переместилась в кают-компанию: узкий, небольшой, проходной коридор-закуток между кухней и люком, два кресла, телевизионная панель на стене, полки с дисками.

– Кресел только два, – проныл Макс. – Неужели и на мебели сэкономили?

– Пять не поместились бы, – повернулся к вечно недовольному члену экипажа командир. – Но на пол достаточно постелить коврики, чтобы придать помещению уютный вид, на них и сидеть комфортно.

– Кстати, – провел указательным пальцем по коробкам с дисками Марат, – полно фильмов, разных жанров. Есть что посмотреть.

Максим с любопытством заглянул на полки. Но уже через секунду, тяжело вздохнув, сморщил нос: коллекция не вдохновляла. Ясное дело: фильмы подбирали с учетом вкуса испытателей, в числе которых до сегодняшнего дня Утехин не значился.

Командир открыл переходной люк и пролез в отверстие. «Марсонавты» пересекли крошечный предбанник и через другой люк, еще раз согнувшись пополам, попали на склад.

– Вот это да! – наконец, Максима на станции что-то привело в восторг. – Такие запасы! Да тут провианта на целую армию!

На два десятка метров вперед уходили с одной стороны металлические, до потолка стеллажи, заставленные картонными коробками. Кофе, сахар, сухое молоко, соль, мёд, галеты, печенье, джемы, варенье. С другой – в ряд стояли холодильные камеры.

– Тик в тик только на пятерых, – Кирилл заглянул в ближайший холодильник: полки снизу доверху заполнены продуктами в вакуумной упаковке.

– Мы столько съедим?! – опешил новичок.

– Давай считать, – предложил Александр, прислонившись к металлической стойке. – Ты чай пьешь с сахаром?

– Конечно, – выпалил программист. – Два кусочка.

– Значит, чтобы три раза в сутки побаловаться чайком, – продолжил командир, – понадобятся 6 кубиков рафинада. Каждый весит приблизительно 5 граммов. Следовательно, в день ты употребляешь 30 граммов сахара. Умножим на 520 суток «полета» и получим..., – посмотрел он вопросительно на новичка, предлагая тому посчитать.

– 15,6 килограммов! Мне одному! – округлил глаза Макс.

– Нас пятеро, – щелкнул пальцами Марат. – Чтобы пить сладкий чай, потребуется минимум 78 килограмм сахара.

– И так по каждому продукту, – махнул в сторону полок командир.

– Я на кухне плиты не видел, – вдруг обеспокоенно вспомнил Максим. – Где будем готовить?

– За нас уже все приготовили, – Кирилл достал из холодильника один из пакетов и покрутил в воздухе. – Первое, второе, третье, десерт. Рацион жестко рассчитан по калориям. Нужно только разогреть в СВЧ-печке. Блюдо уложено на одноразовую тарелку, которую потом выбрасываешь. Чтобы не тратить воду на мытье посуды.

– К каждому холодильнику прикреплен список находящихся в нем продуктов и приблизительное, рассчитанное по калориям, меню на день, которое легко из этих продуктов собрать. – Кирилл вернул упаковку на полку, закрыл дверцу и показал на два примагниченных кармашка с листочками бумаги. – Выбираешь, что по душе. Либо борщ – либо солянку, либо картофельное пюре – либо овощные котлеты, либо кекс – либо булочку с изюмом.

– Да, впечатляет, – развел от удивления руками Макс. – И объемами и содержанием.

– Ты еще аптечки не видел, – хмыкнул Марат, выбираясь через люк обратно в предбанник. – Пять медицинских ящиков с таблетками и витаминами, мазями, перевязочным материалом, хирургическими инструментами. В холодильниках микстуры, спреи, капли, ампулы. Средства помощи на все случаи жизни.

– Вот и не на все, – отозвался проходящий мимо Белозеров. – Точно знаю, на какую ситуацию у тебя ничего не найдется.

– Не может быть, – насупился Марат. – И на какую же?

– Роды стимулировать не получится, – хохотнул Артем, и испытатели, оценив шутку, дружно засмеялись.

Другой люк вел в коридор. Левчик показал на герметичную камеру в стене, куда дежурному предстоит сбрасывать заполненные мусором пакеты. Через люк снаружи их заберут уборщики, обслуживающие экспедицию, и увезут на свалку. (Понятно, что в условиях реального полета космонавты отправят брикетированные отходы прямо за борт).

Через несколько метров коридор резко повернул направо. Мужчины прошли мимо командного пункта. Громкое название никак не соответствовало содержанию – небольшая комнатка с креслом и столом, на котором еле поместились два монитора: один отслеживал работу систем жизнеобеспечения, на другой поступала информация с датчиков, разбросанных по отсекам – температура воздуха, влажность, содержание в атмосфере углекислого газа. Впритык к командному пункту находилась еще одна ниша – серверная, рабочее место Максима, с которым он разберется завтра.

Дальше коридор пересекал оранжерею. С двух сторон стояли стеклянные шкафы с металлическими полками. Передние стенки-жалюзи открыты. В пластмассовых ящиках под трубками ламп дневного освещения торчали зеленые хвостики редиски, лука, укропа, щавеля, салата и петрушки. На стеблях, привязанных к крючкам в крышке, наливались спелостью мелкие помидорчики. Под полками теснились упаковки с подкормкой, канистры с удобрениями, пакеты с семенами

– Дежурство в оранжерее тоже согласно графику, – объяснил по ходу движения командир. – Наука не особо мудреная. Полить, собрать урожай, посеять новый. Каждый день можем зелень добавлять в рацион. Свежие витамины хорошо на мозги действуют.

– Жаль, не всем помогают, – буркнул Белозеров и многозначительно посмотрел на Максима.

– В этом блоке осталось одна секция, – заметив, как набычился Утехин, явно подбирающий слова для достойного ответа обидчику, командир поторопился отвлечь коллектив от ненужных эмоций. – Следуем за мной.

Мужики послушно двинулись дальше.

– Он что, всегда такой вредно колючий? – Макс обогнал «колонну» и пристроился к Марату, который, как казалось новичку, единственный относился к нему по-человечески.

– Ты имеешь в виду Артема? – переспросил Калинин. – Нет, он просто очень сосредоточенный человек и любит во всем порядок. Хочешь, подскажу, как растопить белозеровское сердце и сделать нейробиолога чуточку доброжелательнее?

Максим усиленно закивал головой.

– Научись играть в Го, – прошептал хирург парню на ухо. – Этим и подкупишь.

Последнее помещение оказалось таким же миниатюрным, как остальные на станции. В центре «тупичка» на мощной подставке возвышался большой аквариум, поверхность которого плотной пленкой покрывали зеленые водоросли. С одной стороны аквариума установили дисплей, на нем указывалась температура воздуха и освещенность – над аквариумом круглосуточно горела лампа. Внутри подставки прятался нагревательный элемент. Водоросли любят тепло и свет, только тогда они способны энергично поглощать углекислый газ и выделять кислород.

– Установка, конечно, экспериментальная, – постучал по стенке аквариума Александр. – В нашем случае бесполезная, мы же на Земле находимся, кислород поступает из баллонов снаружи. Но нам поручено оценить, какова максимальная мощность биореактора, способен ли он обеспечить воздухом участников настоящего межпланетного перелета.

– Но водоросли имеют привычку сильно разрастаться, – профессионально заметил Марат, врачу положено разбираться в вопросах биологии. – Они быстро залепят аквариум.

– Потребуется периодически сливать «траву» через трубочку, – согласился командир, протянул руку к стене и продемонстрировал публике две тетради, висящие на цепочках. – «Методическое пособие» плюс «Журнал наблюдений» прилагаются. А теперь каждый завернет на склад, захватит из холодильника что-нибудь на обед, встречаемся в кухне.

Назад двигались в разнобой. Александр остался в «бассейновой», отметил в «Журнале» сегодняшнее число и переписал показания с дисплея. Максим не удержался и заскочил в серверную. Посмотреть электронную библиотеку. Парень обнаружил программы по изучению иностранных языков. Отлично! За полтора года вполне одолеет испанский, который ему необходим на будущее. Вдруг повезет и кто-то из членов экипажа тоже владеет языком Сервантеса (только бы не нейробиолог!). Дополнительно подтянет английский, окружающие помогут с диалогами. Неожиданно Утехин наткнулся на подборку электронных игр. В разделе «Для интеллектуалов» обнаружил Го! Ну, Белозеров, берегись!

Марат с Рыбарем застряли в «оранжерейной». Испытатели перебирали пакетики с семенами, выясняя перспективы огорода. Договорились в первое же дежурство посадить болгарский перец и огурцы. Если огурчики нальются плотной мякотью, да еще покроются соблазнительными пупырышками, как обещают на картинке, их смело можно мариновать. Сложить в банку, посыпать укропчиком, чесноком, горошками перца, добавить лавровый лист (укроп они вырастят, как и чеснок, но, интересно, есть ли перец и лавровый лист на складе?), залить соленой водой, дать постоять пару дней и... Главное банку найти. Решили, что подберут подходящую по объему, например, с вареньем. Освободить ее для пятерых мужиков-сладкоежек – дело пустяковое.

Поэтому первым на кухню пришел Артем. Он вытащил из холодильника упаковки с борщом и рыбой с овощным гарниром. Кинул пакеты в СВЧ-печку, достал галеты.

Один за другим подтянулись остальные «путешественники». Каждый прихватил на складе по паре пакетов. Гудели СВЧ-печки, в мисках задымился суп, запахло горячей едой. Командир добрался до кухни последним, неся под мышкой литровые пакеты с натуральными соками. О пользе витаминов он упоминал не для красного словца.

– Какое же здесь все махонькое, неудобное, – Макс с трудом протиснул стул между Маратом и Кириллом. – Пока привыкнем, синяки набьем об углы. Да и шумно, вентиляторы гудят. Как ночью спать?

– Ты каждый вечер, – толкнул плечом новичка Марат, – будешь валиться на постель от усталости. Шум перестанешь замечать.

– Знал бы ты, – зачерпнул ложкой картофельный суп Александр, – как нам повезло! Да у нас тут райские условия!

– Рай?! – Максим от удивления подавился крекером и закашлялся. – Это... кхе... кхе идеальные условия?

– Конечно, – уверенно тряхнул головой командир. – Я вот в разных экспериментах побывал. И в изоляции участвовал. Закрытого цикла. То есть мы сидели в помещении, размером с нашу кают-компанию, вчетвером. Две недели. Отходы... ммм... жизнедеятельности перерабатывались и возвращались обратно.

– Что значит обратно? – Максим, который с удовольствием набросился на еду, почувствовал, что теряет аппетит.

– Моча, кал, пот с поверхности тела – все разделялось на фракции, – командир, в отличие от Максима, как ни в чем не бывало, продолжал жевать. – Полученную очищенную воду пили. Углекислый газ разлагался на водород – он выводился наружу и кислород, который поступал через вентиляцию в рабочее помещение.

– Да и передвигаемся мы нормально, – продолжил серию похожих воспоминаний Марат. – Мне тоже пришлось помучиться в одном эксперименте – полгода лежал. Ел, телевизор смотрел, читал, умывался, разговаривал и... ммм... все остальные дела – только лежа. Безумно тяжело круглые сутки находиться в горизонтальном положении. Вставать категорически запрещалось. Изучались предельные возможности организма в условиях, имитирующих невесомость. Одна радость – массаж, – и Калинин от удовольствия зажмурил глаза. – Делали несколько раз в день, чтобы мышцы не атрофировались. Кстати, не все дошли до финиша. Один сорвался, не выдержал, во время эксперимента жена ушла к другому.

Мужчины неожиданно смолкли, даже ложки двигались бесшумно. Услышав про испытателя, который потерял семью, каждый участник экспедиции почувствовал себя уязвимым. Они покинули дом на долгих полтора года. Встретят ли их те же, кто провожал, или кого-то они уже не увидят никогда?

– Ладно, убираем за собой, – подхватил пустую миску командир, – и двигаем дальше. Экскурсия еще не завершена.

Мужики охотно следовали за Левчиком. Каждый прекрасно знал схему расположения отсеков, запомнил по картинке. Но реально в модуль до начала эксперимента их не пускали. Во-первых, сюда доступ разрешен был только специалистам, которые работали в стерильной одежде, чтобы не занести инфекцию. А во-вторых, желания особого попасть внутрь до старта никто не изъявлял, понимали, что за полтора года «консервная банка» до жути надоеет. Так пусть хоть первое время сохраняется некое чувство новизны.

В жилом отсеке экипаж не задержался. Каждый свою каюту видел, они похожи друг на друга, как близнецы. Белозеров лишь недовольно заметил, что у него в соседях за стенкой Макс. Хотя, чего удивляться? Парень занял место Проклова, а они с Михаилом заранее попросили разместиться рядом.

– Майки, носки, футболки, белье, – Александр открыл дверь в прачечную, – дежурный ежедневно загружает в стиральную машину. Она же и сушит.

– Можно вопрос? – поднял руку как примерный ученик Максим и, увидев, что командир в ожидании подвоха замер, продолжил: – Не вижу в санитарно-гигиеническом отсеке ладно ванны, но хотя бы душ должен присутствовать?

– Душ?! – рассмеялся Левчик, повернувшись к коллегам, которые понимающе заулыбались. – Забудь про привычный комфорт.

– И что теперь – совсем не мыться? – ужаснулся новичок, прижав ладонь к губам.

– Космонавты пользуются влажными салфетками, – похлопал по плечу неопытного «пассажира» Марат. – Вода – великая ценность на борту, ее требуется расходовать бережно, только на самые необходимые нужды.

– В кухне – кран с питьевой водой, – присоединился к ликбезу Кирилл. – Там система фильтров. Отдельно в туалет и прачечную подается техническая вода. Но бортовой счетчик ведет учет потребляемой жидкости. Мы не имеет права превысить лимит.

– Могли хотя бы сауну сделать, – проворчал вслед уходящему командиру Максим.

– В сауне, – услышал реплику парня Марат, – пар, который первоначально опять вода. К тому же в условиях невесомости сауна вообще не имеет смысла. Как горячий пар будет подниматься вверх? Там нет верха и низа. Да и энергии на разогрев потребуется много. Она тоже лимитирована.

– Но ведь на настоящей станции предусмотрены солнечные батареи, – упирался Максим. – Энергии хватит.

Марат смерил новичка удивленным взглядом: а парень не совсем безнадежен, оказывается, знает про солнечные батареи.

– Да, панели обязательно установят, – согласился Калинин. – Только помни, что направляясь к Марсу, корабль будет все дальше и дальше удаляться от Солнца. Тем более энергию следует беречь.

Макс лишь молча вздохнул.

Дойдя до развилки, повернули в тренажерный отсек. На зал этот закуток, конечно, не тянул, но место для двух тренажеров нашлось. Беговая дорожка и велосипед. По полкам разложены гантели. Так что нагрузку на каждую группу мышц можно обеспечить.

– Рекомендую сюда чаще заглядывать, – Марат пощупал бицепсы Максима и неудовлетворенно скривил губы. – Хилый больно. Зато через полтора года тебя любимая девушка не узнает. Есть такая? Как зовут?

– Так я вам и рассказал, – отступил Утехин. Парню не нравилось, когда акцентировали внимание на его нескладной фигуре.

Медицинский отсек осмотрели быстро, скорее, ради приличия, чем из любопытства. Какое удовольствие глазеть на электроды, сканеры, манжеты – все это в ближайшем времени окажется у них на голове, руках и теле. Медицинские эксперименты – чуть ли не главные в расписании каждого дня. Поэтому в том же составе члены экипажа направились по коридорам к складу, достали из холодильника продукты для полдника и вернулись обратно на кухню, к общему столу.

– Чувствуете, – обратился к коллегам Марат, он поместил в СВЧ-печку сдобную булочку и нажал кнопку разогрева, – мы только слегка прогулялись по модулю, а уже ужин скоро. Время здесь летит незаметно.

– Но жизнь подчинена расписанию, – напомнил командир, отвинчивая крышку с баночки йогурта. – Строго по часам. На сон отводится 8,5 часов, после сна дается 1,5 часа на «водные процедуры» и завтрак, потом короткое оперативное совещание на полчаса.

– Которое вполне можно совместить с завтраком, – предложил Максим, он на полдник выбрал творожную запеканку.

– Так и получится, – согласился Александр. – Затем осматриваем станцию, каждый свой участок. Согласно циклограмме проводим эксперименты. На них отводится 4 часа. На обед – 1 час. На физические тренировки – тоже час. Потом личное время и ужин.

– А второй завтрак и полдник? – осведомился Утехин, облизывая ложку – вкусной получилась запеканка. – Или они только по праздникам?

– Два дополнительных приема пищи, – специально для новичка уточнил командир, – каждый осуществляет в удобное для себя время.

– Все равно однообразно, – вздохнул программист. – Через полгода надоест.

– Не дрейфь, – подбодрил парня Кирилл. – Через полгода, вернее месяцев через восемь, начнется веселье.

– К нам пожалуют марсиане? – язвительно процедил новичок.

– Почти, – терпеливо отреагировал Александр. – На 244-е сутки изоляции мы как бы «примарсимся». Будем имитировать выход и работу на поверхности Красной планеты. В полной амуниции.

– И раз ты замещаешь Проклова, – включился молчавший до этого Артем, – то надевать скафандр придется тебе. Вот повеселимся-то!

Максим недоуменно пожал плечами: подумаешь, скафандр, ну натянет он широкий, на три размера больше комбинезончик (попадались сюжеты по телевизору), эка невидаль. Чего тут особенного?

Но он и представить не мог, что его ждет.

Глава 5

УТРОМ за завтраком Кирилл, заглянув в циклограмму, недовольно поцокал языком и устроился на стуле рядом с Максом.

– На сегодня назначена установочная серия тестов, которые постепенно пройдет каждый член экипажа, – Рыбарь достал ручку из кармана шорт, зачеркнул на циклограмме одно имя и вписал другое. – По плану первым значится командир. Но я начну, – и психолог хлопнул по спине новичка, – с тебя.

– С чего вдруг такая честь? – ложка, которой Максим размешивал в кружке сахар, вдруг громко-громко застучала о керамический край.

– Потому что ты, – Кирилл свернул бумажную распечатку трубочкой, приложил к глазу и посмотрел на парня, словно в подзорную трубу, – темная лошадка. Понятия не имею, какой ты человек, требуется детальное знакомство.

– Есть, «доктор Кто?!»! – справившись с волнением, Утехин вернулся к образу штатного весельчака. – Куда прикажете явиться?

– Жду в медицинском блоке через десять минут, – психолог подхватил пустую миску, бросил в нее одноразовую ложку, сгреб использованные салфетки, остатки вакуумной упаковки и вытряхнул в мусорный контейнер.

Остальные члены экипажа, просмотрев присланные «Землей» циклограммы, тоже поспешили завершить завтрак и отправились работать.

Максим по дороге в медицинский блок забежал в каюту, надел комбинезон, как уверяли аборигены, парадный, взял ручку, блокнот и поторопился на встречу с психологом.

Кирилл, положив ногу на ногу, покачивался на стуле. В руках держал планшет с прикрепленными листами тестов и проглядывал вопросы. Заметив Макса, психолог бросил бумаги на стол – подготовленные перед экспедицией задания не подходят, с новичком они пока еще на нулевом уровне. Рыбарь вынул из ящика потрепанный, рассыпающийся от старости, но абсолютно незаменимый в профессиональной деятельности блокнот. Кожа на обложке давно потрескалась, страшно ронять на пол, отклеенные страницы моментально разлетятся в разные стороны. Поэтому владелец для надежности стягивал обложку резинкой.

– Устраивайся удобнее, – Кирилл, щелкнув, стянул бечевку, раскрыл блокнот.

Макс повертел головой: что значит, удобнее? Кресло, а тем более мягкая кушетка, на которой, как заведено в приличных заведениях, должны расслабляться пациенты на приеме у психолога или психотерапевта, в медблоке отсутствуют. Но не начинать же встречу с претензий. Парень пододвинул свободный стул и уселся так же, как и собеседник – закинув ногу на ногу и положив на колени блокнот с ручкой.

– Смотрю, комбинезон надел, – хмыкнул, оценивая внешний облик подопечного, Кирилл. – Командир узнает, разозлится. Форма – только для видеосеансов. Чтобы официальная картинка получалась красивая.

– Встреча с вами – мое первое задание на борту, – гордо выпятил подбородок Макс. – Форма дисциплинирует мысли.

– Так ты философ? Не знал, не знал, – саркастически усмехнулся Рыбарь и внутренне сосредоточился в предвкушении интересного разговора. – А блокнот зачем прихватил? Ведь спрашиваю здесь и записываю я, ты только отвечаешь.

– Для солидности, – признался Макс, с трудом скрывая волнение. – Мне так спокойнее.

– Ну, что ж. Начнем, – выдохнул, расправляя плечи, Кирилл. – Помни, что психолог – тот же врач или адвокат. Все, что будет произнесено во время встречи, останется сугубо между нами. Итак, – не меняя тональности, Кирилл приступил к опросу, – у тебя есть мечта?

– Мечта? – переспросил Макс. Парню не понравился резкий темп, с которым психолог собирался копаться в его характере. Поэтому постарался отвечать медленно, обдумывая каждое слово, чтобы не ляпнуть ненароком лишнее. – Хмм... Конечно, есть. Хочу... жить у моря, – Максим откинулся на стуле, запрокинул руки за голову. – Чтобы солнце грело круглый год. Никакой слякоти... На берегу, за дюнами – двухэтажная вилла, вместо стен – стекла. Во внутреннем двореке – бассейн.

– И на его бортике – нимфы в бикини, – закончил описываемую картину наслаждений Кирилл.

– О, вы тоже об этом мечтаете? – восторженно парень и удивленно посмотрел на психолога: не ожидал, что сухари-испытатели способны стремиться к большему, нежели им досталось по жизни.

– Очень интересно, – не ответил на вопрос Рыбарь и сделал пометку в блокноте, – продолжай.

– Что продолжать? – подобрал под себя ноги Максим. – Были бы деньги, давно бы уехал из страны. Мне здесь не нравится.

– Пожалуйста, поподробнее, – поднял голову от записей психолог. – Что конкретно тебя не устраивает?

– То, что родился в Москве, – выпалил новичок. – Коренные жители в городе на вторых ролях.

– ??? – Рыбарь даже ручку уронил на пол. Столь абсурдное заявление он слышал впервые.

– В столицу со всей страны съезжаются люди, надеющиеся прорваться наверх, – принялся развивать высказанную мысль Утехин. – Они перехватывают любую приличную работу, зубами выгрызают место под солнцем, расталкивая плечами москвичей.

– Но горожане лучше устроены и имеют возможность выждать, пока не подвернется подходящая вакансия, – мягко возразил Кирилл, сам приехавший из далекого от столицы поселка и длительное время перебивавшийся из одного учреждения в другое, пока не закрепился в ЦКМ.

– Ха! – бурно отреагировал Максим и уперся руками в колени. – Работодателям выгодно брать иногородних. Они согласны трубить за небольшие деньги, лишь бы зацепиться. Чтобы была реальная площадка для рывка к серьезным заработкам. Приезжие испортили рынок труда в Москве. Нам теперь практически не устроиться.

– Но ты вроде работаешь, – заметил Рыбарь.

Психолог мысленно потирал от удовольствия руки. В ЦКМ он имел дело только с особой породой людей: принципиальных, целеустремленных, интересующихся в первую очередь работой, и лишь во вторую, а чаще в третью ее оплатой. Несомненно, достойных во всех отношениях, но... слишком скучных и предсказуемых с точки зрения науки о поведении. Сейчас же перед ним сидел образец – мечта любого психолога. Парень обладал полным набором характеристик не уверенного в себе человека: зависть и злость перехлестывают через край, в качестве способа защиты выбрано позерство, подростковые комплексы до сих пор не преодолены. Условия длительной изоляции совершенно не для Максима. Но послушать программиста интересно. Тут есть над чем поработать. Поэтому Кирилл перешел к следующей части беседы:

– Расскажи о семье.

Родители Максиму достались самые обыкновенные. Папа – администратор в гостинице, мама – страховой агент со свободным графиком и соответственно минимальной оплатой. В собственности – лишь квартира в спальном районе, двухкомнатная, в которой они теснились втроем, и машина – купленная на вторичном рынке, состарившаяся иномарка. Ни загородного коттеджа, ни надежд на то, что сын сможет в перспективе жить отдельно. Отдых в тече-

ние года – две недели в Турции, две недели дома за косметическим ремонтом, чтобы придать жилью и мебели хоть какую-то видимость ухоженности.

Максим относился к родителям скептически. Они не стремились покорять вершины, их устраивал окружающий минимализм. Люди с высшим образованием, начитанные и интеллигентные, но совершенно не способные (или правильнее сказать – не желавшие?) зарабатывать серьезные деньги. Сын, жаждущий перемен, однажды принес отцу книгу иностранного психолога. Что-то о необходимости каждому стремиться к успеху, ставить перед собой высокие цели и добиваться их.

Папа повертел в руках толстый том и усмехнулся: «Глупые советы. Все одновременно не могут быть успешными. Представить страшно: вокруг одни начальники! Кто станет работать? Люди не похожи друг на друга. Их нельзя лепить по одному шаблону. Именно в нашем разнообразии – внешности, рас, характеров, типов личности кроется секрет выживания человечества».

Утехин-младший вырвал книгу из рук отца и спрятался в своей комнате. Пусть родители ратуют за разнообразие, он намерен присоединиться к успешным и карьерным, и, следовательно, хорошо обеспеченным. Только нужно правильно выбрать профессию, а для начала – вуз.

Максим почитал биографии высокооплачиваемых московских топ-менеджеров, обращая внимание на то, где они учились (стараясь не сосредотачиваться на том, где родились). Выяснилось, что каждый успел получить по два диплома в России плюс закончить бизнес-школу за рубежом, а еще потрудился во множестве компаний, потихоньку поднимаясь по карьерной лестнице. Вот и Макс хотел организовать свою жизнь столь же оптимистически.

Первую ступень к мечте парень преодолел легко. В школе учился нормально, поступил в технический вуз, где конкурс оказался не очень большим. Получил в руки диплом. Однако найти достойную, с ориентиром на завидное будущее работу не удалось. Либо зарплату предлагали столь мизерную, что не стоило связываться, либо, даже не заглянув в резюме, объясняли, что ищут опытного специалиста.

Пометавшись по городу, Утехин-младший устроил дома скандал. Если предки не способны создать достаток в семье, то это не значит, что ребенок унаследовал те же привычки. Пусть они не смогли или не захотели обеспечить сыну приличное существование, отпрыск не в претензии. Только сам Макс довольствоваться минимализмом не намерен. У него другие планы на жизнь. И родители обязаны помочь в их исполнении, создав хотя бы нормальные стартовые условия. Пусть ищут для парня денежное и престижное место работы.

– Ммм... Надеюсь, нам хорошо заплатят за участие в эксперименте? – скрестил руки на груди Максим.

– Должны, – захопнул блокнот Кирилл, для первого знакомства он узнал достаточно, – только не думаю, что этих денег хватит на покупку виллы на берегу теплого моря.

– Мне хватит, – загадочно пояснил парень, возвращая стул на место. – Я же вам сказал, что собираюсь уехать за границу. Здесь никаких перспектив.

– Послушай, – нарушая правило профессии принимать пациентов такими, каковы они есть, не выдержал Кирилл, – каким образом меркантильный человек, как ты, смог попасть сюда?

– Дядя попросил, – равнодушно пожал плечами Макс.

– Дядя? Попросил? – теперь пришло время удивляться Рыбарю.

– Найдёнов, директор ЦКМ – дальний родственник мамы, – парень прикрепил ручку к нагрудному карману комбинезона. – О нем она «неожиданно» вспомнила, когда я метался в поисках работы. Попросила приютить молодого специалиста. Федор Игнатьевич устроил меня в отдел к Проклову.

– А что по поводу «попросил»? – продолжал недоумевать Кирилл. – Люди в эксперимент попадали по отбору, по результатам хоть и небольшого, но конкурса. Тебя же просто так «попросили»?!

– Забыли, что экспедиция оказалась под угрозой срыва? – напомнил обстоятельства запуска Максим. – Поэтому, да, дядя «попросил», – и парень поторопился покинуть медблок. Он и так достаточно рассказал о себе.

Постепенно жизнь на станции вошла в утвержденный график. Испытатели, сверяясь каждый с циклограммой, перемещались из одного модуля в другой, пролезая в отверстия люков. Однажды Макс возмутился: бессмысленно по двадцать раз открывать-закрывать тяжелые стальные крышки. Зачем лишние действия? Почему устроители эксперимента не сделали обычные двери? В конце концов, станция находится на Земле, глупо воссоздавать макет до последней мелочи, лучше бы о комфорте экипажа позаботились. В крайнем случае, можно хотя бы оставлять люки постоянно открытыми. Но командир был неумолим: на настоящей станции люки присутствуют обязательно, они – гарантия спасения людей при разгерметизации одного из блоков: «Значит, и мы обязаны следовать инструкции».

В субботу, согласно той же инструкции, каждый член экипажа оформил отчет по итогам недели и перекинул по внутренней сети Максиму, который собрал документы в единый файл и приготовился сбросить информацию на «Землю». Пересчитав отчеты, программист обнаружил, что одного не хватает: Белозеров проигнорировал требование командира. Макс увидел, что аккаунт нейробиолога активен, то есть Артем работает у себя в каюте. Утехин включил видеосвязь и напомнил про отчет. Белозеров лишь недовольно замахал руками:

– Я отчетами не занимаюсь, договорились с Найдёновым. Командир в курсе. Моя работа слишком секретна.

– Ладно, отправляю без вас, – Максим нажал на своем компьютере клавишу. – Кстати, я тут в свободное время решил мозгами заняться.

Белозеров удивленно приблизил лицо к вэб-камере.

– Ну, эээ... – сконфузился парень, ему по-прежнему трудно общаться с ученым, – осваиваю интеллектуальные игры. Вот выбрал... Го. Вам она известна?

– Допустим, – подозрительно прищурился Артем.

– Отлично, отлично, – заерзал на стуле программист. – Не можете разобраться? Давайте попробуем по компьютеру играть. Мне пока на настоящей доске рядом с вами страшновато.

– Согласен, – кивнул Артем и выключил связь.

Уф, перевел дух Макс. Можно сказать, гора сдвинулась с места.

Глава 6

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, на первый видеосеанс с «Землей» Левчик приказал явиться экипажу в парадной форме, то есть в синих комбинезонах, которые скучали на плечиках в шкафах. Испытатели собрались в кают-компаниях. Устроились на коврике напротив монитора, на верхней планке которого мигал глазок вэб-камеры.

Перед тем, как включить систему, командир провел ставший привычным инструктаж. Сначала по графику пресс-конференция, отвечаем на вопросы, лишнее не болтаем. И не потому, что боимся выдать какие-то секреты – Левчик, заметив, что с языка Максима вот-вот сорвется едкое замечание, уточнил: а потому, что журналисты любят из ничего раздувать сенсацию. Следуем правилу: меньше говоришь, лучше спишь. После прессы общение с родственниками. Каждому дается по 15 минут. И опять: нечего волновать близких, больше интересуемся, как дела дома, дети-племянники, кошки-собаки, оценки в школе—день рождения тещи.

– О чем же тогда говорить? – недовольно выпятил нижнюю губу Утехин. Животных у него дома нет, как нет ни детей, ни тещи.

– Ты, как истинный джентльмен, – подмигнул парню Марат, – о погоде рассуждай.

– Но у нас на борту какая погода? – искренне расстроился новичок.

– Поэтому и не говори много, – резюмировал, следуя командирской логике, Кирилл. – Слушай и улыбайся. Пусть родные видят тебя здоровым и счастливым.

Журналисты налетели стаей: вопросы сыпались с разных сторон и касались всего на свете. Не утомляют ли дежурства. Хорошо ли спится и что снится. Что успели новое посадить в оранжерею. Сколько часов проводят на тренажерах. Что выбирают на обед. Не соскучились еще по суете и звукам большого города. Какие фильмы успели посмотреть. Много ли свободного времени.

Отвечал в основном Левчик. Кратко и четко, не отвлекаясь на подробности или лишние разъяснения. Персонально задали вопросы только Максиму. Как показалась станция новичку. Не скучно ли проводить сутки напролет в маленьком тесном пространстве. Надо отдать должное Утехину: он не вышел за рамки инструкции и тоже, как и командир, отвечал односложно. Да, понравилось. Нет, не скучно.

Потом журналисты попрощались, эстафета перешла к родственникам. Начали с командира. Желающие пообщаться с Левчиком еле поместились в экран: жена, сын и дочь, папа с мамой и даже дед. Дополнительно прихватили с собой семейного любимца – дворнягу Бакса. Остальные члены экипажа удалились в каюты, чтобы не мешать командиру.

Белозеров в очереди на общение значился последним. Вообще-то «младшим по званию» считался Макс. Но парень занимал место Проклова, с которым Артем задолго до старта договорился поменяться: чтобы после сеанса связи не бегать лишний раз по станции, а оставаться там же, в кают-компаниях и разыграть лишнюю партию в Го.

Артем опустил на коврик – напротив, на мониторе появилось лицо Данилы. Так получилось, что, оставляя заявку на еженедельный сеанс связи с родственниками, Артем выбрал Харебина. А кого еще? Не Тамару же. Он, конечно, имел возможность вовсе отказаться от общения, но не хотелось отрываться от дома. Да и дополнительные впечатления разбавят местное однообразие.

– Я вам приготовил подарок, – улыбнулся Харебин, увидев ученого, и поставил перед вэб-камерой снимок в рамке: тот самый момент, когда Белозеров и Фрося на фоне снежного шторма смотрели в окно. – Вложил файл с фотографией в блок писем. Сегодня вам перешлют на станцию. «Человек и кошка». Здорово, по-моему, получилось.

– Что нового на Земле? – поинтересовался Белозеров, устраиваясь на полу по-восточному, поджав под себя ноги.

– Стихийнобедствие заявилось, – скривил губы в презрительной усмешке аспирант.

– С чего вдруг? – удивился Артем. – Давно не навещалась.

– Тамара – женщина практичная, – Данила убрал фотографию в портфель, – услышала вашу фамилию в теленовостях и то, что намереваетесь отсутствовать полтора года. Пришла вместе с участковым. Мол, я незаконно вселился, а квартира принадлежит ей. Спасибо, человек в форме оказался вменяемым. Я предъявил ему договор о найме. Участковый повертел у виска пальцем в сторону Стихийнобедствия и удалился. Не думаю, что окончательно отделался от ее визитов, но, по крайней мере, на некоторое время дама оставит в покое.

– Пока не изобретет очередную пакость, – согласился Артем. – Как хорошо, что я от Тамары далеко-далеко, сюда она не прорвется. Правда, в данных обстоятельствах и требовать с меня нечего, не матрас же из каюты.

Мужики понимающе хором похмыкали.

– Да, а как дела у Михаила? – вспомнил Артем. Ноги начинали затекать, и ученый вытянул ступни поперек коридора.

– Объявился буквально на следующий день после вашего старта, – Харебин положил локти на стол и пододвинулся ближе к вэб-камере.

– Как его отец?

– Чувствует себя... прекрасно – выделил последнее слово Харебин, – дрова рубит.

– Так быстро? После инфаркта?! – Белозеров от удивления откинул голову назад и больно ударился об обшивку.

– Не было никакого инфаркта, – продолжил Данила, – Проклов, промчавшись 400 километров, не догадался сразу отцу домой позвонить. Думал, старик один живет, раз на «скорой» увезли, отвечать некому. К рассвету добрался до больницы. Переполошил персонал, пока не добился вразумительного ответа, что нет у них никого с инфарктом. Поехал к дому. Отец, конечно, обрадовался, увидев сына на пороге. Отложил топор, которым дрова рубил. В общем, чья-то дурацкая выдумка.

– Шутка?! – возмутился Белозеров, потирая синяк на затылке. – Человек не попал на станцию. А нам вместо профессионала засунули зеленого юнца.

– Я Михаилу рассказал про Макса, – продолжал делиться информацией Харебин. – Спросил, чего вдруг парня вместо себя рекомендовал? На самом деле все не так, как озвучил ситуацию директор. Это Федор Игнатьевич позвонил Проклову, когда Михаил шпарил по шоссе, и сообщил, что собирается включить в экипаж Максима. Мол, не возражаешь? Михаил удивился, что директор выбрал Утехина, только куда деваться, согласился: парень хоть и шепутной, но способный. Скорее всего, считает Проклов, Макса назначили в экипаж по одной причине – он, внимание! – и Харебин поднял указательный палец, – дальний родственник директора!

Белозеров уперся правым локтем в пол: ерунда какая-то. Зачем Найдёнов откровенно врал, будто Максима рекомендовал Михаил? Чтобы скрыть родственные отношения? Бессмысленно, в любом случае это выяснилось бы, рано или поздно. И история с выдуманным инфарктом выглядит подозрительно. Конечно, встречаются шутники-безумцы, любители поиздеваться над другими людьми. Но накануне старта научной экспедиции? Что за блажь родилась в горячей голове?

Ладно, махнул рукой Белозеров, не стоит ломать голову над расположением фигур на доске, если понятия не имеешь, с кем играешь. Кроме того, полтора года – большой промежуток времени, все тайное станет к финалу явным. И Артем попросил рассказать Данилу о Фросе. Как поживает пушистая любимица? Скучает ли по хозяину? Закупил ли Харебин

сухой корм, последняя пачка которого, как помнил Артем перед отъездом, практически опустела?..

Следующим на установочные тесты в медицинский блок пришел, согласно переделанному графику, командир. Кирилл принял рабочую позу: нога на ногу, в руках планшет и – приступил к вопросам. Биографию Александра давно изучил: командиру 35 лет, по профессии военный инженер, женат – двое детей подростков, родители еще не пенсионеры, оба работают, дед – в далеком прошлом токарь-орденоносец, живут вместе большой семьей. Поэтому перешли к следующей фазе: Левчик получил в руки стопку листков и принялся ставить в пустые клетки галочки.

Справившись с заданием за полчаса, Александр протянул заполненные страницы Кириллу.

– Вопрос напоследок, – Рыбарь, выровняв края, собрал листки в стопку и убрал в прозрачную папку: просмотрит с карандашом позже, в одиночестве, чтобы никто над душой не стоял. Скорее, стремясь получить сравнительный материал, чем выполняя программу тестирования, он поинтересовался: – А у тебя есть мечта?

И командир, отвечавший до этого момента легко и свободно, неожиданно смолк и опустил голову. Таким растерянным психолог Левчика никогда не видел.

– Мечта? – повторил Александр, рассматривая собственные ладони. – Она... оказалась не моей.

– Разве так бывает? – не удержался Кирилл, психологам не пристало выражать удивление, считается, что они всё про всё знают.

Левчик мечтал стать летчиком. Еще в школе, скучая на уроках, рисовал контуры самолетов. По выходным, забравшись на велосипед, колесил десять километров до ближайшего военного аэродрома. Устроившись на траве за забором, в торце взлетно-посадочной полосы, провожал поднимающихся к облакам серебристых «птиц». Иногда, задравши голову, следил за тем, как из самолетного люка высыпаются черные горошины, которые потом раскрашивают небо разноцветными куполами парашютов.

Александр с закрытыми глазами мог по звуку двигателя определить марку самолета, заходящего на посадку. Если семья отправлялась в путешествие, никаких автомобилей – только самолетом, так требовал сын. Поэтому никто не удивился, что

Левчик поступил в летное училище. В юности любая цель кажется достижимой. Стать летчиком – что может быть проще.

В тот день группа курсантов собралась на летном поле. Каждый приготовился провести первый в жизни самостоятельный полет. Без инструктора, без подсказок, отрабатываем взлет и посадку, дело минут на двадцать. Училище самолетами не богато, поэтому парни сгрудились у края полосы в ожидании своей очереди.

Возглавлял список Левчик, но командир, заметив, что курсант выбрал бракованный шлем – ремешок перетерся, приказал вернуться в ангар и поменять «головной убор». Поэтому к самолету направился Слава – его фамилия значилась следующей. Александр успел подружиться со Славой. Их койки в казарме находились одна над другой. После отбоя очень удобно перешептываться, обмениваясь впечатлениями. Они даже договорились в каникулы поехать в гости к Левчику. Александр родителей попросил запастись билетами в театры. Слава никогда не был в Москве.

Взлетел самолет ровно и четко, убрались синхронно шасси. Сделав круг над аэродромом, пилот направил машину на посадку. Шасси послушно выпустились наружу, самолет заходил точно на полосу. Но лишь только колеса коснулись бетона, раздался громкий хлопок. В стороны полетели ошметки резины. Лопнула шина! Она наткнулась на посторонний предмет, забытый на полосе. Самолет, словно бумажный журавлик, завертелся волчком. Железо невы-

носимо скрипело, выцарапывая на бетонных плитах глубокие борозды. В какой-то момент многотонная железка подпрыгнула и, сделав цирковой кульбит, хлопнулась обратно на брюхо.

К самолету бросились спасатели, с разных концов поля заверещали пожарные машины, по полосе понеслась «скорая помощь». Каким-то чудом самолет не загорелся. Прибежавшие люди с трудом оттянули посеревший, потерявший прозрачность, потрескавшийся стеклянный колпак. Слава сидел в кресле, с открытыми глазами, струйка крови прочертила полосу откуда-то из-под шлема до подбородка. Парень уже не дышал. Жесткая посадка переломала ему позвоночник.

Левчик вернулся в казарму и стал собирать славинь вещи, чтобы переслать позже родным погибшего однокурсника. Закончив на верхней койке, Александр... приступил к нижней и неожиданно осознал, что складывает в рюкзак собственные пожитки. Он возвращается домой. Как и планировал, на каникулы. Только один, без друга и – насовсем. В какую «русскую рулетку» поиграла с ним судьба? Если бы не перетертый ремень, не бракованный шлем, в кабине самолета с кровавой полосой на лице сидел бы сейчас Александр, а не Слава.

Там, на аэродроме Левчик впервые испытал всепоглощающее чувство страха. Летчик – профессия повышенного риска, он знает, что в любой момент может погибнуть, поэтому должен уметь хладнокровно, до последней секунды бороться за жизнь. Небу нужны сильные и смелые, а Левчик – самый обыкновенный человек, не готовый к ежедневным подвигам. Может быть, случившаяся трагедия – некое предупреждение свыше? Мол, уезжай, пока не поздно.

Оставшись в армии, Александр поступил в технический вуз, стал инженером, специально напросился на работу в ЦКМ. Записался в испытатели, переходил из одного эксперимента в другой, жесточайшие, на пределе человеческих возможностей условия. Мучил себя и свой организм. Хотел проверить еще раз: стал ли сильнее, стал ли храбрее?

– Сами видите, к каким последствиям приводит неправильно выбранная цель, – посетовал командир, глядя куда-то сквозь сидящего рядом психолога. – На моих глазах друг разбился, я запаниковал, испугался за собственную жизнь. Надеюсь, мои дети смогут избежать подобных ошибок.

Левчик аккуратно поставил стул на место и, опустив плечи, поторопился покинуть медблок.

Кирилл достал блокнот. Психолог не ожидал, что командир откроется с совершенно неизвестной стороны. Постоянно уравновешенный, действующий четко и, если надо, сурово. Разве не эти качества характеризуют уверенного в себе человека? Хорошие физические данные, вынослив, работоспособен. И вдруг – внутренне страшно уязвим, над ним довлеет комплекс вины. Левчик утверждает, что гибель друга напугала, сломала его, но на самом деле подсознательно винит себя в произошедшей трагедии.

Классический Фрейд!

Глава 7

ЛЮБОЕ событие, даже самое невероятное, если длится слишком долго, неминуемо теряет ореол таинственности и превращается в рутину. Новизна обстановки поначалу вызвала у членов экипажа повышенное любопытство и восхищение окружающим, но уже через два месяца испытатели перестали обращать внимание на узкие коридоры и низкие потолки, каждый погрузился в собственные эксперименты, едва успевая еще выполнять работу в качестве дежурных.

Точно так же угас интерес к экспедиции и со стороны журналистов. Ели на первую пресс-конференцию репортеры с трудом поместились в зале, на вторую собрался лишь десяток из профильных изданий, на третью пришли несколько человек, то четвертую вообще отменили из-за отсутствия представителей прессы. Внешний мир будоражили новые, более интересные с точки зрения СМИ сенсации. Освободившееся время «Земля» использовала с толком, увеличив длительность еженедельных встреч испытателей с родственниками до 20 минут.

Однажды, забыв про нововведение, Белозеров направился в кают-компанию на сеанс связи с аспирантом, но остановился в кухонном закутке, услышав, что Макс еще продолжает общаться с домашними. Артем хлопнул себя по лбу, ругая за забывчивость, но не повернул обратно. Он же не мальчишка бегать туда-сюда по коридорам. Что секретного может обсуждать новичок? Да и Белозеров прятаться не станет, выглянет из проема и улыбнется юному коллеге.

Нейробиолог подошел к арке и хотел кивнуть Максиму, но парень настолько увлекся встречей, что не заметил Белозерова. Артем краем глаза заглянул в экран. По ту сторону монитора сидели родители парня, интеллигентные люди, отметил про себя ученый, и скрылся на кухне, решив пять минут подождать там.

Макс беспрерывно болтал о себе. Занят делами по горло, людей слишком мало на такую большую станцию и приходится, как самому молодому, помогать старичкам. А еще приспособился, вскапывая грядки в оранжерее или крутя педали на велотренажере, повторять английский. К тому же собирается выучить испанский и даже обнаружил на станции человека, который знает этот язык.

Белозеров, по ходу монолога, лишь хмыкал – значит, он теперь относится к старичкам?! Услышав последнюю сентенцию, аж крикнул: испанским из испытателей владел именно он. Поспорила в студенческие годы, что прочитает «Дон Кихота» в оригинале, кстати, потом ни разу не пожалел, по крайней мере, как только в ЦКМ приезжали делегации из Латинской Америки, Найдёнов требовал однокурсника к себе. Понятно почему: «Денег переводчикам платить нет, а для тебя хорошая практика». Интересно, откуда Максим узнал про способности Артема?

Но следующая фраза заставила ученого подскочить на стуле: Утехин объявил, что увлекся интеллектуальными головоломками, пробует силы в Го и даже обыгрывает единственного на борту соперника.

Белозеров сжал от негодования кулаки: они с программистом сыграли по внутренней сети несколько партий, Макс так и не решается на открытую встречу. Сидя за компьютером, парень может сделать ход раньше или позже, заглянуть без зазрения совести в базовую инструкцию. А за реальной доской подсказчика нет. Парень ни разу не то, что не выиграл, сдавался на первых же ходах. Прекрасно, теперь Белозеров играть по сети откажется. Только глаза в глаза, за одной доской напротив друг друга. Что касается испанского, неплохо поупражняться, ладно, в свободное время, так уж быть.

Макс попрощался с родителями и, насвистывая («знаю, знаю, плохая привычка, но все равно рядом никого нет»), направился в кухню, налить себе сок. Следуя указанию командира, парень достойно провел сеанс связи с родными, пусть думают, что сын здесь пользуется всеоб-

щим уважением. Но, шагнув в коридорчик, застыл на месте. Значит, его неумное бахвальство слышал Белозеров? Вот уж влип!

Утехин судорожно открывал и закрывал рот, пытаясь придумать удобоваримые объяснения, но воспроизводил лишь глухие хрипы: ни одна умная мысль не промелькнула в ошарашенном мозгу.

– Saludo! – поприветствовал Макса, выходя их кухни, Белозеров. – Como estas?

– Ээээ..., – выдавил из себя парень, – ммм... Это... в смысле *está bien*.

– Да ты, погляжу, полиглот, – усмехнулся Артем и, окатив новичка презрительным взглядом, поторопился в кают-компанию, оттуда уже доносился голос Харебина, занявшего перед вэб-камерой место родителей Макса.

Новостей у Данилы накопилось за неделю немного, похвастался лишь тем, что диссертация сдвинулась, наконец, с мертвой точки. Предложение поселиться в квартире научного руководителя оказалось плодотворным: в тихом одиночестве, нарушаемом лишь мяуканьем Фроси, если ее забывали накормить, мысли формулировались быстро, аргументы выглядели убедительно. И рабочий блок, который оборудовал для себя Белозеров – два монитора, подключенные к одному компьютеру, облегчали процесс поиска и сравнения данных.

Двадцать запланированных минут подходили к финалу, Артем, поднявшись с коврика, приготовился к завершению сеанса, но Данила, загадочно улыбнувшись, помахал собеседнику рукой, предлагая устроиться опять на полу.

– Тут у нас в ЦКМ пертурбация, – зашептал, приблизившись к микрофону, аспирант. – Федор Игнатьевич застал вторую смену операторов за игрой в карты. Парней моментально уволил. Теперь по ночам в Центре наблюдения и контроля дежурит один человек.

Как, посмеиваясь, выдал Данила, нового оператора директор нашел сам. Поначалу предпочтения начальника вызвали недоумение: мужик пенсионного возраста, больше похожий на охранника в школе, чем на специалиста по системам жизнеобеспечения. Но, с другой стороны, суперпрофессионал в ночное время особо не требуется. Экипаж отдыхает, никаких экспериментов не проводится. Визитов проверяющих (от спонсоров или организаций – заказчиков исследований), а также любопытных (имеются в виду журналисты) тоже не предвидится. Если же на станции что-то произойдет, сработает аварийная система оповещения: в ангаре сирена так завоет, что мертвого разбудит. К тому же директор-крохобор опять сэкономил. Платит пенсионеру копейки, знает, тот на все согласен, лишь бы не отправили на улицу. Правда, и обязанностей у него с гулькин нос.

– Считайте, старика к «красной кнопке» приставили, – ехидно заметил Харебин. – Он должен, согласно инструкции, реагировать лишь в экстремальных случаях. Поэтому теперь некому следить за длительностью личных переговоров. «Ночной сторож» в данный момент устроился в соседней комнате смотреть по телевизору футбол.

– Отлично, – обрадовался Белозеров. – Тогда сможешь мне. Я, выстраивая «Таблицу», над одной проблемой голову ломаю. Вот смотри...

Артем с Харебиным погрузились в долгое, сложное научное обсуждение. Белозеров, как многие исследователи, наткнулся на правильное решение задачи в процессе дискуссии с коллегами. Спорить, доказываешь что-то и вдруг раз – случайно оброненная собеседником фраза, некая чужая, параллельная идея неожиданно направляет собственные рассуждения в нужное русло.

Но сегодня, к сожалению, озарения не случилось. Тем не менее, Белозерову возможность неограниченного по времени контакта пришлась по душе. Пожелав друг другу спокойной ночи, коллеги договорились о переменах в Центре наблюдения никому не сообщать. Пусть останется тайной. Тогда их деловому общению никто не помешает: ни строгое начальство снаружи, ни желающие поболтать по пустякам внутри.

В «бассейновой» мало того, что влажно, так еще и гораздо теплее, чем в других отсеках станции. Поэтому Белозеров, когда выпадала его смена, оставался в одних шортах, скинув бесполезную футболку. Смахнув лишнюю расплывшуюся «зелень» в пластмассовый тазик, Артем отнес его к мусорному контейнеру и вытряхнул в полиэтиленовый мешок. Дежурный по станции после ужина соберет отходы во всех блоках и сбросит через люк на «Землю».

Нейробиолог обошел установку и заглянул на боковой дисплей. На всех приборах, мониторах, механизмах, от холодильников и компьютеров до СВЧ-печек работали таймеры. Хорошо придумали создатели станции, в любом помещении всегда можно узнать время. Поэтому ни один из членов экипажа не взял с собой будильник или ручные часы. При ограниченном объеме багажа – подобный подарок благо. Но, иногда мелькала в голове Белозерова мысль, вдруг случится короткое замыкание? Они ведь не в космосе, станция подключена к городской системе электроснабжения, а с ней всякое случается. Однажды в Москве, помнится, полгорода осталось без света, стояли троллейбусы и трамваи, потекли холодильники, остановились поезда в метро. Хотя, успокаивал себя Артем, на станции сбоев быть не должно. Генераторы снаружи всегда наготове.

Таймер на дисплее показывал, что Белозеров начинает опаздывать на ужин. Натянув через голову футболку, Артем быстрым шагом направился в соседний блок. Пролетел мимо оранжереи, повернул налево, через люк попал в предбанник, через другой – на склад. Схватил в холодильнике упаковку гречневой каши – подходящая пища для ужина и помчался на кухню, придумывая на ходу объяснения своему опозданию. Командир строго спрашивал за нарушение дисциплины. Но, добравшись до пункта назначения, замер на пороге: за столом в гордом одиночестве скучал Левчик. Ни Марата, ни Кирилла, не говоря уж о Максе.

Рассерженный командир нервно барабанил по столу костяшками сжатых вместе пальцев. Белозеров начал было что-то бормотать, торопясь защитить себя от наказания, как его кто-то толкнул в бок. Артем повернулся и увидел сияющего Макса, который протиснулся мимо нейробиолога к столу и водрузил в центр миску с тремя помидорами.

– Па-папа-пам! – торжественно пропел новичок и объявил: – Поздравляем всех с праздником!

– Кто же это поздравляет? – чеканя каждое слово, насупил брови Левчик.

– И главное – с чем? – добавил от себя Белозеров, радуясь, что внимание командира переключилось на другой персонаж.

– М-м-мы, – начал заикаться Макс, его лицо покрылось красными пятнами. Следом из-за его спины показались Марат и Кирилл. Они держали в руках поднос, на котором красовался огромный торт. – У нас с-с-сегодня п-п-праздник. День Урожая!

– Не слышал о таком, – пальцы командира вновь принялись выбивать дробь.

– Да ладно дуться, – Марат перехватил поднос и поставил рядом с помидорами. – Это Макс придумал. Нам положительных эмоций не хватает. А тут такое событие – мы сняли в оранжерее первый настоящий урожай. Стоит отметить.

Левчик подозрительно посмотрел на торт. Александр прекрасно знал список загруженных на борт продуктов. Торты в нем точно не значились. Но, приглядевшись получше, командир нехотя расплылся в улыбке: вот, хитрецы! Парни соорудили кондитерское изделие из того, что имелось на складе. Несколько песочных «коржей» сложили из прямоугольников «пачкового» печенья, аккуратно разложив их прочными, «кирпичного» рисунка слоями и промазав каждый сгущенным молоком. Причем «крем» выглядел профессионально густым, в сгущенку добавили натертое печенье.

Сверху торт украсили шоколадной крошкой, карамельками выложили слова «День Урожая!». Мало того, что креативно, так еще, наверняка и вкусно. Но сколько же продуктов из запасов грохнули – опять нахмурился Левчик – хватит ли сгущенки на оставшиеся дни?

– Мы не так много потратили, – словно догадавшись о мыслях, терзавших командира, поспешил успокоить Кирилл, – банка сгущенки да пять пачек печенья. Печенье, оно так, баловство одно, проглотишь – не заметишь. Зато в торте смотрится аппетитно.

Не дожидаясь окончательного вердикта командира, Макс осторожно разрезал небольшие помидоры на дольки и разложил коллегам по тарелкам. Свежие, источающие забытый аромат, алые толстопузые овощи добавили безликим блюдам яркую краску.

Каждый ел на ужин свое. Белозеров подогрел гречневую кашу, Левчик выбрал картофельное пюре с котлетой, Марат, поклонник раздельного питания, жевал тушеную капусту, Кирилл остановился на пшенке, Макс на тушеных кабачках.

Никто не произнес ни слова. Левчик продолжал обиженно ковырять вилкой в котлете, авторы сюрприза, обиженные, что их труд не оценили, так же опустили головы, а Белозеров отстраненно наблюдал, как разрешится конфликт.

С ужином покончили, пришла очередь десерта. Левчик поднялся над столом.

– Ну что ж, попробуем чудо кулинарии? – командир смело воткнул нож в шоколадную сгущенку.

– Мы долго думали, как скрепить пластинки, – «кондитеры» тут же оживились и, перебывая друг друга, начали рассказывать, как по секрету вытаскивали с полок печенье, как скрывались в закутке Максима, в тесноте, на столе крошили шоколад и печенье, обмазывали слои.

– Небось, в серверной всё теперь сладкое и липкое, – скептически прокомментировал Артем, не забыв протянуть тарелку, чтобы получить кусок торта.

Но на едкое замечание Белозерова никто не отреагировал. Оказалось, что члены экипажа – истинные гурманы.

А еще говорят, что мужчины – равнодушны к сладкому.

Глава 8

ТРЕТЬИМ на «эксекуюцию» к Кириллу явился Марат.

– Готов, док? – показал на стул напротив себя Рыбарь. Клички, придуманные Максом, незаметно прижились. Теперь и сами члены экипажа обращались друг к другу не иначе как «док», «кэп» или «мистер «Кто?»». Для Утехина тоже нашлось «дополнительное» имя, Левчик назвал его «юнга». Вот только к Белозерову ничего не прилипло. Макс, по-прежнему боявшийся Артема, не рисковал иронизировать на счет ученого. – Так сложилось, что каждому испытуемому задаю детский вопрос: у тебя есть мечта? – и Кирилл заглянул в подготовленную шпаргалку с данными Калинина: профессиональный хирург, 32 года, не женат.

– Конечно, – не стал отрицать Марат, – только она для меня – фантом, из разряда не достижимых.

Марат и сам не знал, в какой миг им овладело это безумное, всепоглощающее ощущение ответной любви. Правда, момент первой встречи помнил ярко, в подробнейших деталях. Наверное, потому, что обстоятельства сложились настолько невероятно, настолько неожиданно.

Марат подрабатывал помимо ЦМК в частной клинике, где удалял состоятельным дамочкам бородавки и жировики. Однажды, сильно опаздывая, медик решил сократить путь от метро, перепрыгнув через кусты, огораживавшие сквер. По узкой тропинке буквально помчался к видневшемуся вдалеке зданию клиники. Вдруг на его пути возникла девочка лет семи, в клетчатом жилете поверх белой блузки – атрибуты школьной формы.

– Дяденька, вы мне очень нужны, – заявила кроха, выставив вперед руки, чтобы несущийся навстречу мужчина не смёл ее с дороги.

– Разве родители, – промычал запыхавшийся Марат, согнувшись почти пополам и уперев руки в колени, вынужденный остановиться, чтобы не навредить ребенку, – не предупредили тебя, что нельзя разговаривать с незнакомыми людьми?

– Вот если бы вы меня спросили, – девочка подбоченилась, – тогда бы я сразу побежала к бабушке, – и она махнула в сторону скамейки, на которой в теничке, обнимая розовый рюкзак (видимо, принадлежавший смелому ребенку) дремала старушка. – А так я первая спросила. Ведь вы можете мне?

– Что случилось? Тебе плохо? – в Марате мгновенно проснулся врач, он привык к нестандартным ситуациям. – Где болит?

– Нет-нет, плохо не мне, а вон той тетеньке, смотрите, как она плааает! – грустно протянула, изображая отчаяние, девочка и показала в противоположный угол сквера.

Калинин послушно обернулся. На еще одной скамейке спиной к ним сидела женщина в синей куртке. Плакала она или нет, с их позиции не разобрать. Но по скрюченной позе, по тому, как периодически вздрагивали плечи, можно предположить, что женщине и в самом деле требуется помощь. Однако...

– Знаешь ли, – сурово посмотрел на обладательницу клетчатого жилета Марат: парню не хотелось вмешиваться в чужие проблемы, и вообще он опаздывает, – тетеньки не любят, когда к ним ни с того ни с сего пристают незнакомые дяденьки.

Калинин попытался обойти настырную девочку. Но кроха оказалась крепким орешком и, прыгнув как белка в сторону, снова перегородила путь.

– Если мы подойдем вместе, тетенька не сможет нас прогнать, – ребенок для верности схватил Марата за руку. – Я придумала хитрость.

Парень тоскливо посмотрел на прячущуюся за деревьями вывеску клиники, вздохнул – наверняка, еще пожалеет о том, что поддался на уговоры, и отправился навстречу своей судьбе.

Почему Марат согласился? Он и сейчас, спустя год, ни за что бы не ответил. Но разве зачастую мы не совершаем поступки, законам логики не поддающиеся?

Объявленная «хитрость» заключалась в том, что они вдвоем как бы случайно останавливаются у скамейки, на которой грустила незнакомка, усаживаются рядом и разговаривают, словно продолжая давно начатую беседу. Девочка уверила, если удастся привлечь внимание женщины, та перестанет плакать. «Так всегда мама делает, когда я реву, – поясняла „детка в клетку“, шагая рядом, – Мама начинает говорить про что-то другое, очень приятное, может даже вкусное, и деваться некуда, приходится вытирать слезы».

– Дядя Марат, – обратилась девочка к Калинину, как только они устроились на скамейке – женщина предсказуемо отодвинулась, освобождая им место, – вы в школе хорошо учились?

Парень поморщился: неужели ничего лучше не могла придумать? Школа? Когда же это было? Но с другой стороны, что еще может волновать кроху, судя по возрасту, первоклассницу?

– Средне, – односложно ответил Марат.

Девочка недовольно сдвинула брови, мол, мы не так договаривались, и попробовала еще раз:

– Вас мальчишки били книжкой по голове?

– Что? – округлил глаза Марат. – Нет, нет! Я... сам бил. Если кто хотел померяться силами. В детстве почему-то часто ввязывался в драки. Но сейчас, – решительно заявил медик, еще не хватало предстать перед незнакомкой бандитом, – все в прошлом. Предпочитаю наблюдать за дракой профессионалов на ринге. – И, сообразив, что его неоправданно примут за боксера, уточнил: – В смысле по телевизору.

– А вас, тетя, – девочка наклонилась и постаралась заглянуть в глаза соседке («Ну, берегись! – возмутился про себя Марат. – Сейчас тебе выдадут по полной программе»), – за косички дергали? Меня постоянно дергали, – театрально вздохнула маленькая актриса, болтая ногами, которые до земли не доставали. – Поэтому мама отвела меня в парикмахерскую и там сделали короткую, но модную стрижку. По-моему, получилось славно. Правда? Вам нравится?

Марат восхищенно покачал головой: девочка так изобретательно сформулировала вопрос, что женщина просто вынуждена ответить. Разве можно не поддержать ребенка?

Незнакомка всхлипнула, прошуршала бумажным платком – видимо, вытирая слезы, и повернулась.

– Да, здорово получилось, – пришлось согласиться женщине.

Вам когда-нибудь в глаза били фары встречного автомобиля? Тогда вы сможете понять, что испытал Марат, увидев лицо незнакомки. Яркая вспышка взорвала мозг: девушка была поразительно красива. Свободно и мягко, словно морская волна, на плечи спадали шелковистые волосы. Тонкий изгиб бровей, длинные ресницы и – глаза. Огромные, зовущие, темные, бездонные.

Калинин равнодушно относился к показной женской красоте. Любой газетный киоск украшают обложки журналов с неперменной фотографией очередной дивы. Лицо, может быть, и классически правильное, но глаза, в какую бы улыбку не складывались губы, всегда холодные. Они презрительно провожают бегущих мимо к метро скучно-серых, далеких от гламурного мира людей.

Незнакомка казалась совершенно другой. Живой, настоящей, не скрывающей человеческих чувств: на щеке блестела не успевшая высохнуть слезинка, глаза по-детски беззащитно припухли, даже носик немножко покраснел. Невообразимые детали для облика красавицы.

Девочка продолжала болтать и задавать наивные вопросы, незнакомка, сначала молча кивала головой, подтверждая или с чем-то не соглашаясь, но ребенок не сдавался, придумывал реплики, на которые нельзя ответить «да» или «нет», и соседка по скамейке постепенно втянулась в легкий, ни к чему не обязывающий разговор. Вот только Марат ничем не мог помочь

девочке: в его горле застрял ком, ладони предательски вспотели, парень с ужасом думал о том, что вот-вот кроха, выполнив свою миссию, отправится домой, а он останется с неземной красавицей наедине и надо будет о чем-то говорить.

Да, да, если молчать, девушка уйдет, а он не хочет, чтобы она, волшебным образом ворвавшаяся в его жизнь, исчезла. Он забыл о клинике, где его ждали пациентки с бородавками. Забыл о сквере, в котором находится, о городе, который гремел и гомонил вокруг. О Вселенной, которой безразличны переживания отдельно взятого, микроскопического жителя планеты, затерявшейся в Солнечной Системе.

Дремавшая старушка с розовым рюкзаком в руках в какой-то момент проснулась, хватилась внучки и, обнаружив ее на дальней скамейке, возмущенно погрозила пальцем. Девочка соскользнула на землю и, не попрощавшись-не обернувшись, убежала. Марат собрал волю в кулак и приготовился к неизбежному.

– Эээ... День сегодня солнечный, – ну, почему в голову лезут всякие глупости, вместо чего-нибудь достойного, стихов, например?

– Ммм... Да, – ответила незнакомка и скомкала в руках бумажный платок. – Лина.

– Лина? – переспросил Марат. – Вы говорите о девочке?

– Нет, к сожалению, не успела поинтересоваться, как ее зовут, – улыбнулась девушка. – Лина – это я. А вы...

– Марат, – соскочил со скамейки парень, а как еще надо знакомиться с красавицами?

– Знаю, девочка вас называла, – поторопилась объяснить Лина, – я хотела спросить: вы родственник?

– «Детки в клетку»? – опять устроился на скамейку Марат, только теперь сел чуть ближе к Лине. Странное имя. Среди его знакомых нет подобных. Но оно очень идет девушке. Лииннааа. Звучит, как «ливень», или как название цветка, как горное эхо... – Нет, я ее впервые встретил.

– Забавный ребенок, – заметила Лина, шмыгнув совсем уж по-простецки носом. – А почему вы оказались в середине дня в сквере?

Чего он так боялся остаться с девушкой наедине? Слова вдруг перестали забываться и теряться, он смеялся, пересказывая, как летел через кусты и наткнулся на упрямого ребенка. Он актерствовал, изображая лицо администратора клиники, который втолковывает пациенткам, что сегодня их бородавки останутся по-прежнему на теле. Он даже умудрился дотронуться до плеча Лины, когда объяснял, почему трудится на двух работах.

Лина забыла, что недавно плакала, бурно реагировала на каждую шутку, на каждую смешную фразу. При этом на щеках у нее появлялись симпатичные ямочки, а около глаз трогательные морщинки.

Из сквера они могли уйти только вместе.

– Так почему она плакала? – не скрывая любопытства, поинтересовался Кирилл.

– Ее любимая собака... умерла, – опустил голову Марат и еще раз, для убедительности повторил: – Да, умерла.

– Раз ты до сих пор числишься в холостяках, – хотел прояснить ситуацию Рыбарь, – значит, история не имела продолжения, вы расстались?

– Лина замужем, – выдохнул Марат и поднялся на ноги.

Ему захотелось сбежать: от расспросов Кирилла, из станции, из города, из этого мира. Но он умел в критической ситуации справляться с собственными эмоциями – результат долгих тренингов в ЦКМ. Поэтому сделал то, что позволяли условия ограниченного пространства: Марат ушел в соседний блок, в «бассейновую», где мог хоть какое-то время побыть в одиночестве.

Кирилл, захлопнув потрепанный блокнот, в котором делал пометки – еще один трагический персонаж выявился в экипаже! – отправился в кают-компанию. Очередной день завершен, наступает время отдыха.

Шум и хохот в кают-компании резко контрастировали с атмосферой личной неустраивенности, которой буквально пропитался медблок. Здесь же, на полу, за внушительного размера доской, расчерченной вертикальными и горизонтальными линиями, сражались в знаменитую Го Максим и Артем. Рядом с каждым стояла чашка с одноцветными гладкими камушками.

Игра близилась к завершению, белые кругляшки на доске закрыли практически все возможные маневры черным. Левчик, расположившись в кресле, подбадривал игроков, стуча ложкой по деревянной стене. Максим, нервно присаживаясь то на левое колено, то на правое, панически подвывал. Артем, закинув голову, громко пел: «Ура! Мы ломим, гнутся шведы». Песни такой в природе не существует, из Белозерова что композитор, что певец – никакой. Поэтому мотив больше походил на хрипло-гортанный марш. Кирилл тоже присоединился к всеобщему веселью, подхватив ритм, стал прихлопывать в ладоши.

Конечно, выиграл Белозеров. Макс, понимая силу соперника, бился до последнего, пытаясь найти хоть малюсенькую брешь в обороне. Но – безуспешно. Сдаваясь, Максим поднял вверх обе руки. Это был их первый матч в открытую, за настоящей доской. Макс надеялся, что игра станет шагом к их дружбе, которая Утехину жизненно необходима.

И дело ведь не только в испанском языке.

Глава 9

ЗАКОНЧИВ очередную смену, Левчик перевел компьютеры в спящий режим и отправился на ужин. Проходя мимо серверной, заглянул через дверь – Макс до сих пор сидел в закутке, что-то быстро набирая на клавиатуре. Левчик повернул в боковой коридор.

Интересный парень Утехин – та еще заноза, иногда своей наивной бестолковостью выводит командира из себя. Но с другой стороны, в любом экипаже обязательно должен присутствовать именно такой раздражительный элемент. Благодаря «юнге» жизнь на станции не назовешь скучной. Взять, к примеру, затею с Днем урожая. Всем понравилось, особенно удался торт. Праздники, оказывается, непременно должны разбавлять будни. Нельзя об этом забывать.

Например, в большой семье Левчика торжества выпадают часто, только дней рождений целых семь, практически каждый месяц занят. Плюс неизбежный Новый год. Но в последнее время сын с дочерью семейные праздники игнорируют, стремятся провести день рождения с друзьями. Тем самым удаляясь от родителей. Но, может, стоит придумать неординарное торжество, наподобие Дня урожая? Как только Левчик вернется домой (что-то рано он стал тосковать по дому, только три с половиной месяца прошло со дня старта), обязательно посоветуется с женой и они что-нибудь изобретут.

Командир, наклонив голову, пролез в предбанник. Закрыл по привычке люк. Свет в переходном отсеке они никогда не включали, и дело вовсе не в экономии электроэнергии. Над входным люком в девяти больших прямоугольниках круглосуточно в разном темпе мелькали огоньками цифры, отсчитывая время «полета» экспедиции. Их яркости хватало, чтобы пересечь предбанник и попасть в кладовую, в жилой блок или в «начальственный коридор», как успел шутник Макс окрестить модуль.

Левчик по привычке посмотрел на заветные числа: от первоначальной цифры **12.480** осталось уже 10.023 часа. Автоматически подумал, что завтра это количество опять уменьшится и они окажутся еще ближе к дому... Кроме того завтра... Завтра, обнулившись, «остановится» первый прямоугольник! В тот момент, когда цифры на электронном хронометре покажут **09.999** часов. Заметное событие для экипажа. Почему бы в честь него не устроить очередное торжество?

Послышался скрип открываемого люка, в проеме появилась голова Макса. Парень ухватился двумя руками за стенки, перекинул ноги и прыгнул в предбанник – именно так он перемещался из блока в блок. Но, увидев командира, который, по его подсчетам, уже должен греть ужин в СВЧ-печке, растерялся, не рассчитал и, пролетев вперед, хлопнулся на пол.

– Я тут подумал, – подошел к «юнге» командир, и, протянув руку, помог встать, – не организовать ли праздник в честь «Первого нуля»? – И Левчик поднял голову к электронному хронометру.

Одно из качеств Утехина – парень быстро соображал. Проследив за командиром, Макс в уме подсчитал и понял, что произойдет через десять часов. Идея ему понравилась. Только...

– Нет, не просто «первого нуля», – смело поправил Александра программист. – А «первого *несгораемого* нуля». Ведь «дырки от бублика» появляются постоянно, то в одной ячейке, то в другой, но через 23 часа слева на циферблате зажжется уже окончательный, несменяемый ноль.

– Согласен, – не возражал против красивого уточнения Левчик. – Звучит загадочнее и интригующе: «Праздник первого несгораемого нуля». Вот и отметим. Жаль лишь, – посетовал командир, вновь перепроверив в голове, – время неудачно выпадает – семь часов вечера. Завтра – выходной, в семь начинается сеанс связи с родными. На час раньше – и уложились бы в график.

– Всего час? Да не проблема, – неожиданно заявил Утехин. – Время можно подогнать под нас.

– Ты о чем? – нахмурился Левчик: активность хороша в разумных пределах, а Макс иногда перегибает палку.

– Я могу так настроить программу, – затараторил, надувая щеки от гордости, парень, – что над входным люком, а также на всех приборах и личных компьютерах членов экипажа появится время, которое нужно. Мы зафиксируем в предбаннике рождение первого нуля, допустим, на час раньше, потом отправимся на кухню отметить, а программа, подождав заданное количество минут, все вернет на место. – Макс в ожидании заслуженной похвалы вздернул подбородок, но, увидев недовольное выражение командирского лица, тут же заговорщически зашептал: – Ни одна живая душа кроме нас с вами ничего не узнает. Подумаешь, час пропал, потом вернулся. Никто ничего не заметит, ведь хронометры на борту будут показывать одно и то же время во всех помещениях. И с «Земли» никаких претензий. Мы же как бы на Марс летим. Поэтому информационная система на станции автономная, часы в Центре наблюдения лишь синхронизированы с нашими. – Левчик продолжал напряженно молчать, и Макс решил использовать еще один аргумент: – Ну, что тут такого? Вот английская королева, знаете ли, родилась в апреле, но официально день рождения отмечает в июне, аккурат в начале туристического сезона.

– Английская королева далеко, – назидательно изрек Левчик. – И мы не ради туристов тут в «консервной банке» маемся. Кроме того, люблю честность, – постепенно распаялся командир. – Поэтому не позволю устраивать «праздник обмана». Составь план торжества так, чтобы мероприятие завершилось ровно в семь, когда соберемся у главных часов. Потом я быстро-быстро перемещусь в кают-компанию. На сеанс связи. Вопросы есть?

Максим яростно шмыгал носом и покусывал нижнюю губу: он обиделся, что командир не оценил идею.

– Как понял, «юнга»? – для надежности Левчик еще и сурово посмотрел на парня.

– Понял, – проямлил Утехин.

– Тогда выполняй!

И командир, вспомнив про ужин, шагнул через люк на склад.

На следующий день Макс бурлил и кипел: он раздал членам экипажа программу предстоящего праздника, притащил из «бассейновой» отработанный ворох еще не высохших водорослей, разыскал на складе стремянку и украсил получившимися зелеными «гирляндами» часы над входом. Опять пошли в ход пачки с печеньем и сгущенка. Только теперь верхнюю часть кондитерского шедевра Максим украсил не карамельками, а «начертил» черничным джемом прямоугольную ячейку с большим нулем внутри.

Кроме того, в предбаннике установил на пол пустую коробку из-под печенья (оно как нельзя кстати быстро закончилось, еще бы – на каждый торт требовалось громадное количество выпечки), на нее поставил два пакета виноградного сока (по цвету жидкость похожа на шампанское) и одноразовые бокалы. Что касается последних, Максим обнаружил их в перечне загруженных на склад вещей еще в самом начале изоляции. Видимо, организаторы экспедиции правильно предположили, что экипажу захочется что-нибудь отпраздновать, ведь есть дни рождения, Новый год, наконец. Поэтому добавили к одноразовой посуде еще и емкости для питья. Макс все ждал повода, чтобы ими воспользоваться.

Напротив выходного люка парень разместил треногу, на нее, долго выбирая место и проверяя точку съемки через видоискатель, укрепил фотоаппарат. (Камеру на станцию захватил Рыбарь, он периодически щелкал членов экипажа: на тренажерах, в шапочке из электродов, в оранжерее, с водорослями в руках, спящих в каюте и т. д.).

В программке особо указывалось, что явиться на торжество нужно в шесть часов вечера. Форма одежды – парадная, синие комбинезоны с разноцветными нашивками.

Сначала мужики пили чай и ели торт. Торжественная обстановка и ожидание появления заветного нуля настраивали на особый лад, хотелось говорить не о медицинских экспериментах или производительности кислородной установки, а о чем-то жизненно важном. Пройден определенный отрезок пути. Слишком маленький, чтобы подводить итоги, но, тем не менее, что-то весомое остается позади. Они познакомились друг с другом, начинают понимать друг друга с полуслова, определились приоритеты в работе, привыкли к жесткому ежедневному графику. Например, Макс, заядлый соня, которого не способен разбудить звон будильника над ухом, смирился с утренними визитами Белозерова. Артем, мужчина крепкого телосложения, легко поднимал парня на ноги и прислонял к стене.

Не мешали они друг другу и в кают-компании. Научились отдыхать, не обращая внимания на занятия коллег. Например, командир и Кирилл, договорившись, выбирали фильм – их вкусы совпадали, мужики предпочитали истории со стрельбой, драками или спасением красавиц, и смотрели на мониторе, нацепив на голову наушники. В это время Артем и Макс играли на полу в Го, комментируя ходы и подавая друг другу реплики на испанском языке, а Марат, устроившись в углу вместе с ноутбуком, погружался в другой фильм. Марат слыл поклонником фантастики. Он и в ридер, который захватил на борт, загрузил романы о полетах к звездам и жизни на других планетах.

Появились и свои традиции. Так за ужином засиживались долго. Рассказывали о тех, кого оставили «на Земле», по кому скучают. Иногда обсуждали проблемы глобальные. Темы, как правило, подбрасывал Марат, втягивая коллег в споры по поводу существования инопланетян или параллельных миров. Тут уж главным оппонентом выступал Белозеров, как самый приближенный к науке.

А сегодня, разламывая ложкой торт, то и дело поглядывая на часы на панели СВЧ-печки, они впервые заговорили о том, что сделают, когда... вернутся домой. Вернутся домой... Экспедиция еще только в первой половине, но понятие «дом» становится условием их существования на станции. И оно уже останется с ними до самого финала. Потому что именно возможность вернуться домой поддерживает человека в долгой дороге.

За десять минут до рождения «несгораемого нуля» экипаж переместился в предбанник. В честь праздника здесь сегодня горел свет. Максим раздал коллегам одноразовые бокалы и налил в каждый виноградный сок. Затем расставил испытателей под часами, «прицелился» через видеискатель и, нажав кнопку затяжной съемки, подлетел к компании.

Члены экипажа, подняв бокалы, дружно крикнули, согласно сценарию, «Гип-гип ура!». Раздался заветный щелчок.

Левчик, поставив бокал на коробку, нырнул в переходной люк – у него начинался сеанс связи с родственниками. Оставшиеся мужики продолжали фотографироваться. Только теперь по одному. Каждому хотелось получить на память свидетельство невероятного события – «рождение» на электронных часах первого нуля. Потом появятся еще «несгораемые» нули. Но сегодняшний – самый первый! Тем самым они стали на один нуль ближе к дому.

После того, как Левчик завершил общение, испытатели пересекли кают-компанию и вернулись на кухню, у экрана остался Марат, следующий в очереди на сеанс связи. Кирилл отправился переодеваться, синий комбинезон подождет до очередного праздника (после того, как журналисты охладели к экспедиции, надобность усаживаться перед вэб-камерой в парадной форме отпала). Макс, подхватив фотоаппарат, помчался из предбанника в серверную. Ему не терпелось загрузить фотографии в компьютер, обработать и разослать коллегам. Сам он выберет подходящую прямо сейчас и успеет вложить в письмо родителям, которое сбросит в общем еженедельном пакете отчетов и личной переписки.

На кухне доедать торт остались Левчик и Артем. Белозеров похвалил «юнгю»: парень сумел организовать запоминающееся торжество.

– И без всяких хитростей, – заметил Александр. Он поведал, как мальчишка собирался похимичить с бортовыми часами.

– Идея, конечно, гениальная, – оценил задумку программиста Белозеров. – Только бессмысленная и опасная. Не боишься, что парень возьмет и претворит ее как-нибудь в жизнь?

– Надеюсь, повода не представится, – Левчик подлил в кружку кипятка. – Но поглядывать на всякий случай стану.

Глава 10

ЛЮДИ не любят откровенничать. Считается неприличным рассказывать посторонним о своих слабостях и тем более проблемах. Мы стараемся выглядеть в глазах окружающих сильными и уверенными. Есть только одно, согласно общепринятому мнению, исключение: соседи по купе, скучая в поезде, часто делятся тайнами. Мол, приедем на место, разбежимся, больше никогда не пересечемся, чужие секреты так и останутся не востребованными.

Но общее убеждение не всегда верно. Не забывайте о психологах – с ними люди тоже предельно откровенны. Испытатели, побывавшие на приеме у Кирилла, вытряхнули себя перед ним наизнанку. Так что не только дальняя поездка располагает к честности, но и, как был уверен Рыбарь, умение правильно спрашивать. Продемонстрируй собеседнику искреннюю заинтересованность и человек раскроется. Потому что вредно таить внутри себя проблемы, они начнут решаться гораздо быстрее, если их проговаривать. Хотя... Изоляция сродни тому же перемещению в поезде. Только «купе» намного просторнее, и само путешествие неизмеримо дольше любой поездки по железной дороге.

Кирилл ждал Белозерова. Артем – последний в списке на откровенность. Психолог раскрыл кожаную книжицу, просмотрел предварительные заметки. Пожалуй, главная проблема ученого – его бывшая жена.

– Представляться надо? – раздался знакомый голос. Артем с грохотом вытащил свободный стул и плюхнулся на сидение. – По специальности нейробиолог, 42 года, разведен.

– Женщины типа Стихийнобедствия приравняются к сотрудникам КГБ, – хмыкнул Кирилл; и ему успела насолить Тамара, охраняя подступы к директору ЦКМ, Рыбарю срочно требовалась виза начальника на ходатайстве для получения гранта, но злобная секретарша тянула с оформлением бумаги так бюрократически долго, что спонсор выбрал другого претендента. – Они не бывают бывшими.

– Верное замечание, – пришлось признать Артему. – Тамара до сих пор меня атакует. Никак не уймется, постоянно требует чего-то, хотя давно официально переметнулась к следующему болвану. Здесь, – Белозеров обвел рукой помещение, – на полтора года я в не досягаемости. Не завидую Харебину, он остался в моей квартире. Ой, все забываю сказать, – спохватился ученый, – оказывается, Макс, случайно узнал Данила, дальний родственник Найдёнова.

– В курсе, – Кирилл протянул гостю пачку листов с тестами. – «Юнга» сам признался. Удивлен, что ты про это впервые услышал. Разве с Федором Игнатьевичем вы не однокурсники?

– Да, учились вместе, – Белозеров повернулся к столу, разложил веером страницы. Привычка ученого: прежде чем браться за работу, оцени объем, распредели задачи по степени сложности. – Но после института, кроме как в ЦКМ, не общаемся. Тем более что находимся на разных уровнях карьерной лестницы. Поэтому мало что знаю о родственниках Найдёнова. Лишь то, что... Тамара успела побывать и его женой. Но над этим весь Центр потешается.

Нейробиолог прочитал первое задание и поставил галочку в одной из клеток.

– Так, для проформы, – отвлек Артема от тестов психолог, – всем задаю вопрос: у тебя есть мечта?

Белозеров отложил ручку, помолчал, подбирая слова.

– Чуть было глупость не совершил, – признался ученый. – Хорошо, что вовремя передумал.

Однажды вечером Белозерову позвонил еще один бывший однокурсник – Борис Величко. Борис, поработав после института в разных лабораториях, обзавелся полезными знакомыми, набрел на перспективную тему и укатил в Америку. Устроился в маленьком научном

центре, где успешно осваивали бюджеты специалисты по спортивной медицине. США поддерживают в мире имидж спортивной державы. Америка массово «бегают по утрам», причем увлекаются джоггингом люди разных возрастов, социальных групп от студентов и менеджеров до президентов. Страна гордится достижениями своих спортсменов, стремясь заполучить на Олимпийских Играх большинство золотых медалей. Соответственно, ученые, занимающиеся спортивной медициной, на долгие годы в будущем не останутся без обильного финансирования.

Чтобы мощные денежные потоки не проходили мимо, маленький центр, где трудился на благо себя и новой родины Борис, задумал превратиться в серьезное научно-исследовательское учреждение. Взвесив престижность разных вывесок, дирекция выбрала международный статус. Для воплощения идеи в жизнь оставалось лишь подобрать в других странах ученых, которые с радостью переедут в центр работать. Вспомнив об этнической принадлежности Бориса, его командировали в Москву.

Величко отыскал из однокурсников (он с бывшими друзьями никаких отношений не поддерживал, исповедуя принцип: уехал – забыл) только Найдёнова и Артема. Что достаточно просто – Федор возглавлял известный за рубежом Центр космической медицины, его фамилия присутствует в любом справочнике, ну а Белозеров руководил там же лабораторией. Из выпускников их группы, помимо самого Величко, только Артем публиковался в научных журналах. Остальные растворились в иных сферах деятельности, забыв про дипломы.

Борис пригласил Найдёнова и Артема в ресторан, за закусками и горячим мужики, как принято в цивилизованном обществе, не говорили о делах, вспоминали приключения студенческих лет, особенно вечеринки и то, как мало они обращали внимания на то, что тогда ели и что пили. Добравшись до кофе с десертом, Борис, наконец, поведал о цели визита в Москву. Предложил сделать *правильный* выбор в пользу более устроенной и более обеспеченной жизни. Пригласил собеседников в гости, чтобы на месте ознакомились с выпавшим на их долю благом.

Найдёнов даже обсуждать «подарок» не стал. Ему на судьбу грех жаловаться, и так достиг потолка – директор ЦКМ, под его началом несколько сотен человек. Забот хватает. Финансовое положение стабильное, обзавелся дорогой собственностью, есть коттедж за городом. Федор чаще о заслуженном отдыхе задумывается, чем о возвращении в научную лабораторию.

Белозеров отвечать не торопился. Борис узнал это задумчивое сомнение на лице друга, и настаивать не стал. Только оставил номер телефона, по которому его можно найти. На следующий день Величко улетел в Америку. Артем предсказуемо позвонил. Съездить в гости, осмотреться – что в этом предосудительного? И Белозеров, оформив на работе отпуск, сел в самолет.

В аэропорту Борис погрузил друга в минивэн, подробно объяснив: у них в гараже три машины, он и жена ездят на работу на малолитражках, но когда требуется переместиться всей семьей, у хозяина два сына школьника, используют более вместительный автомобиль. В нем же проще перевозить громоздкий багаж, Борис был уверен, что однокурсник приедет с огромным чемоданом на колесиках – американцы, приученные часто менять одежду, только с таковыми и путешествуют. Борис и не предполагал, что гость обойдется небольшой сумкой.

До городка, в котором располагался научный центр, добирались четыре часа. Белозеров до этого пару раз пересекал океан. Поэтому безудержного восторга от увиденного не выражал. Наоборот, угрюмо смотрел в окно. В аэропорту – толпы народу и машин, на улицах – бесконечное число пешеходов и... машин. А пробки – такие же нервно-длинные, как в Москве.

По дороге остановились перекусить, подкрепились гамбургерами и картофельным салатом. Подобное и дома продают на каждом углу. Ладно, может быть, дальше станет лучше.

Величко жил в длинном многоквартирном доме, с чернокожим и нереально белозубым консьержем у входа, с мини-маркетом на первом этаже. Пятикомнатные апартаменты (три «бедрума», как полагается, столовая и кабинет) находились под козырьком, поэтому Борис

огородил на крыше рядом с кухней небольшую площадку, жена устроила садик с деревьями в кадках, поставили кресла, стол, жаровню – отличное место для барбекю на свежем воздухе. Артем посмотрел с высоты площадки вниз – под стенами дома переливался синевой бассейн.

– Круглогодичный, – похвастался Борис. Но, услышав скептический смешок друга, признал: – Ты прав, в жарком климате только такие и строят.

Белозерову постелили на диване в кабинете.

На следующий день Борис повез гостя в Центр. Несколько двухэтажных корпусов, соединенные стеклянными переходами-галереями, выстроились по периметру искусственного водоема. Чтобы попасть в главный корпус, нужно пройти по изящному мосту, парящему над озером. И мост, и переходные галереи, и стеклянные стены зданий, отражающие водную поверхность, громко кричали: проект выполнил маститый архитектор, умело вписавший здание в окружающий ландшафт. Если не пожалели денег на строительство, следовательно, хорошо платят и работающим здесь ученым.

Артему выдали на входе гостевой бейджик, который он прицепил к воротнику рубашки. Внутри дышалось легко и приятно – воздух охлаждали мощные кондиционеры. Экскурсия по лабораториям продолжалась больше часа. Борис показывал электронные микроскопы, мини-рентген аппараты, оборудование, позволяющее проводить манипуляции на уровне клетки, химические лаборатории. Знакомил с коллегами, большей частью выходцами из азиатского региона: китайцы, японцы, индусы, южнокорейцы.

– Из России, – завершив серию приветственных пожиманий рук, сообщил Борис, – я один. Когда устроишься сюда, в чем не сомневаюсь, нас станет уже двое.

Артем ничего не ответил. Дома, особенно после того как от старости ломался очередной агрегат в лаборатории, Белозерова посещала шальная мысль: не плюнуть ли на все и уехать? И вот – он видел перед глазами рай в понимании ученого: высококлассное оборудование, достойная зарплата, которая сводит к минимуму бытовые проблемы, медицинская страховка на все случаи жизни. Однако соглашаться на переезд не торопился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.